

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

—
1858

1941

МИШУРА

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія:

Владимиръ Васильичъ Пустозеровъ, совѣтникъ губернскаго правленія.

Анисимъ Федорычъ Побѣдинскій, секретарь его.

Дашенька, дочь Анисима Федорыча.

Дмитрій Николаичъ Золотаревъ, богатый помѣщикъ и откупщикъ.

Пурпуровъ, становой приставъ.

Потапъ Егорычъ Зайчиковъ, секретарь градской думы.

Николай Потапычъ Зайчиковъ, сынъ его, столоначальникъ губернскаго правленія.

Никифоръ Михайловичъ Губанчиковъ, недоросль изъ дворянъ, 50 лѣтъ.

Прасковья Михайловна Губанчикова, сестра его.

Частный приставъ.

Прикащикъ купца Трезимова.

Андрей, слуга Пустозерова.

Матрена, горничная Дашеньки.

ДѢЙСТВІЕ I.

Кабинетъ Владиміра Васильевича, убранный съ претензіями, но довольно бѣдно. На рабочемъ столѣ нѣсколько портфелей, кѣпы бумагъ, два бронзовыхъ подсвѣчника со стеариновыми свѣчами и множество на нихъ что не нужныхъ бездѣлушекъ. На другомъ столѣ складное зеркало съ туалетными принадлежностями. По стѣнамъ литографированныя картинки, изображающія полуобнаженныхъ женщинъ въ разныхъ положеніяхъ. Мебель изысканная, но тяжелой и грубой работы. Двери на задней и на правой стѣнѣ. Налѣво драпировка отдѣляющая постель.

ЯВЛЕНІЕ I.

Владиміръ Васильичъ (выходитъ изъ дверей направо, въ халатѣ и съ полотенцемъ въ рукахъ, которымъ вытираетъ, только что умытое лицо. Садится передъ зеркаломъ, и начинаетъ тщательно расчесывать волосы).

Андрей (выходитъ изъ тѣхъ же дверей, становится со сложенными назадъ руками, и, осклабясь, униженно кланяется).

Андрей.

Съ дни рожденія честь имѣю поздравить.

Владиміръ Васильичъ (*сухо*).

Что за глупость такая: что еще за поздравленія, что за деревенщину вытацилъ? Полтинника что ли захотѣлось?..

Андрей (*мрачно*).

Что мнѣ, сударь, въ вашемъ полтинникѣ... Сызмальства вашего... завсегда... объ Ивановѣ дни со дни вашего рожденія поздравляли...

Владиміръ Васильичъ.

Ну, я тебѣ, кажется, еще прошлаго года говорилъ, чтобы этого не было... Я терпѣть не могу этихъ патріархальностей: оставь ихъ до того времени, какъ я тебя въ деревню отошлю... Тамъ этимъ довольны будутъ, а меня прошу избавить, потому что это ведетъ только къ тому, чтобы выпросить на водку, а потомъ напиться.

Андрей.

Какъ угодно. (*Свирьпо взглядываетъ на барина и медленно идетъ къ дверямъ.*)

Владиміръ Васильичъ.

Ну, да, мнѣ такъ угодно. (*Вслѣдъ Андрею.*) Да прошу тамъ никому не благовѣстить, что сегодня день моего рожденія... .

Слышишь?.. (Про себя.) А то эта губернская братія не можетъ представить себѣ никакого подобнаго дня безъ закуски насчетъ виновнаго. (Смотрится въ зеркало и охорашивается.) Въ двадцать семь лѣтъ совѣтникъ губернскаго правленія... не дурно!.. А хотѣлъ бы я для сегодняшняго дня назвать Дашеньку моею... (Встаетъ и подходитъ къ письменному столу; осматриваетъ кипы бумагъ.) Экъ ихъ сколько! Есть ли человѣческая возможность все это прочесть... И за 900 цѣлковыхъ жалованья!.. (Откидываетъ бумаги въ сторону и звонитъ.) Высокое наслажденіе чувствовать себя безкорыстнымъ. Для этого чувства я готовъ все перенести, готовъ умереть, но и существовать на 900 цѣлковыхъ въ пору самой пылкой молодости... поставленному на видъ у цѣлой губерніи, развитому и образованному человѣку, видѣть безпрестанно возможность обогатиться и отталкивать всѣ соблазны съ презрѣніемъ: это не послѣдній подвигъ... (Опять звонитъ съ нетерпѣніемъ.) Эй... (Звонитъ.) Андрей...

АНДРЕЙ (высовывая голову черезъ двери).

Чего?

Владиміръ Васильичъ.

Что же я звоню, а ты не откликаешься, осель... Что за дурацкая манера? Отчего ты никогда не откликаешься, когда я звоню?

(Андрей молчитъ).

Владиміръ Васильичъ.

Тебя спрашиваютъ?

Андрей.

Да, чего звонить-то: фатера-то не больно велика. Чай слышу, какъ позовете.

Владиміръ Васильичъ.

Такъ что же ты не пришелъ, когда я звонилъ?

Андрей.

Прибирался... Видно не дослышалъ.

Владиміръ Васильичъ.

Что за скотина: то слышалъ, то не дослышалъ... Скоро ли же чай? .

Андрей.

Готовъ чай.

Владимиръ Васильичъ.

Ну, такъ подавай.

Андрей.

Сейчасъ.

Владимиръ Васильичъ (*передразнивая его*).

Сейчасъ... Экой тонъ поганый. Стыдно держать-то при себѣ эдакое животное.

Андрей (*подаетъ на поднось стаканъ чаю*).

Владимиръ Васильичъ.

Вотъ сколько разъ тебѣ было приказано, чтобы ты не показывалъ своихъ грязныхъ ручищъ... Отчего ты не въ перчаткахъ?

(*Андрей молчитъ.*)

Владимиръ Васильичъ.

Тебя спрашиваютъ.

Андрей.

Не надѣлъ.

Владимиръ Васильичъ.

Отчего? вѣдь тебѣ приказано.

Андрей.

Да что ихъ надѣвать-то: вѣдь не гости.

Владимиръ Васильичъ.

Что ты, свинья, со мной разсуждаешь: тебѣ ничего не приказано подавать безъ перчатокъ.

Андрей.

Да перчатки-то, сударь, о двухъ пальцахъ: всѣ износились, а изволите взыскивать... (*Отварачивается.*)

Владимиръ Васильичъ.

Такъ ты долженъ былъ сказать: тебѣ бы купили.

Андрей.

Никакой купецъ спрашиваетъ... Войдите что ли прикажете...

Владимиръ Васильичъ.

Никакой купецъ! Экой языкъ топорный... Вели войдите... (*Андрей уходитъ.*) Что за дичь такая! Господи, когда обращается наша Русь православная.

ЯВЛЕНІЕ II.

Владиміръ Васильичъ и прикащикъ.

Прикащикъ.

Здравствуйте, сударь, ваше высоблагородіе.

Владиміръ Васильичъ.

Кто ты такой?

Прикащикъ.

Старшій прикащикъ, сударь, Ивана Алексѣича Трезимова.

Владиміръ Васильичъ.

Ну, что жь тебѣ надо?

Прикащикъ (*вполголоса*).

По слѣдствію, сударь, ваше высокоблагородіе, что изволите производить надъ нашимъ хозяиномъ насчетъ виннаго завода.

Владиміръ Васильичъ.

Ну такъ что же? слѣдствіе будетъ произведено, и хозяинъ твой за свои мошенничества дорого поплатится.

Прикащикъ.

Помилуйте, сударь, ваше высокоблагородіе: хозяинъ нашъ ни въ чемъ не виноватъ въ этомъ... по одному невѣжеству только, что не зналъ вашего высокоблагородія... Но иначе хозяинъ нашъ не такой... (*Вынимаетъ изъ - за пазухи толстый конвертъ.*) Только не оставьте вашимъ знакомствомъ... (*Подаетъ конвертъ.*) Пожалуйте, ваше высокоблагородіе.

Владиміръ Васильичъ.

Это что такое?

Прикащикъ (*таинственно и тихо*).

Иванъ Алексѣичъ приказалъ благодарить...

Владиміръ Васильичъ.

За что благодарить?

Прикащикъ.

За ваше неоставленіе и пріятное знакомство... и для предбудущаго времени.

Владиміръ Васильичъ (*удерживалъ внутреннее волненіе*).

Да что это такое?

Прикащикъ.

Сумма достойная вашего высокоблагородія.

Владиміръ Васильичъ (*нѣсколько повы-
шая голосъ*).

Это мнѣ прислалъ твой хозяинъ?

Прикащикъ.

Точно такъ, ваше высокоблагородіе, пожалуйста. (*Старается
отдать въ руки пакетъ.*)

Владиміръ Васильичъ.

Прислалъ для того, чтобы я взялъ эти деньги и оправдалъ его
по слѣдствію...

Прикащикъ.

Одного неоставленія и пріятнаго знакомства вашего для наи-
предбудущаго времени.

Владиміръ Васильевичъ.

Такъ твой хозяинъ надѣется подкупить меня, купить у меня
правду и долгъ службы?.. (*Вдругъ повышая голосъ до крику.*) Да
какъ ты осмѣлился борода, какъ осмѣлился твой мерзавецъ хо-
зяинъ подумать подкупить чиновника, которому вполнѣ довѣ-
ряетъ губернаторъ, о безкорыстіи и неподкупности котораго
знаетъ вся губернія?..

Прикащикъ.

Помилуйте, ваше высокоблагородіе, объ этомъ никто не мо-
жетъ знать: дѣло семейное... Здѣсь никого нѣтъ... Пожалуйста,
ваше высокоблагородіе, получите... Сумма достойная!... Окромя
одной благодарности... будьте покойны: получите, ровно, сказать
къ примѣру: умереть...

Владиміръ Васильичъ (*съ бѣшенствомъ*).

Да какъ ты смѣешь, бородатое животное, какъ ты смѣешь...
Да знаешь ли ты, что за это... я твоего хозяина въ Сибирь упе-
ку... Онъ думалъ, что начальникъ губерніи будетъ довѣрять та-
кимъ чиновникамъ, которыхъ подкупить можно... Онъ думалъ...
Погоди же... (*Звонитъ.*) Это надобно довести до свѣдѣнія гене-
рала... Я тебѣ дамъ... Я васъ обоихъ... (*Опять звонитъ.*)

Прикащикъ (*пряча пакетъ за пазуху*).

Одначе помилуйте, ваше высокоблагородіе, я ничего... Что же
такое... Извините, не знали вашей милости...

Владиміръ Васильичъ.

Погоди, я тебя заставлю узнать... Я васъ выучу... (*Звоишь съ усиліемъ.*) Андрей, Андрей!

Прикащикъ.

Ничего, сударь, я ничѣмъ не обезпокоилъ вашего высокоблагородія... Какъ угодно! Къ обидѣ вашей ничего не докладывалъ... Счастливо оставаться...

Владиміръ Васильичъ.

Нѣтъ, погоди, я тебя не отпущу... Я тебя веду взять въ полицію... Андрей!

Андрей.

Чего изволите?

Владиміръ Васильичъ.

Гдѣ ты пропадаешь, осель... Пошолъ, позови ко мнѣ квартальный или частного, тамъ кого-нибудь... Пошолъ скорѣй...

Андрей.

Да нельзя отойти-то: поваръ на рынокъ побѣгъ, а печь растопилъ: надо присмотрѣть.

Владиміръ Васильичъ.

Пошолъ, тебѣ говорятъ...

Андрей.

Такъ какъ же печка-то? вѣдь, не сами же станете смотрѣть? того и смотри искора стреконеть: бѣды наживешь.

Владиміръ Васильичъ.

Тебѣ что приказываютъ...

Прикащикъ.

Да напрасно изволите безпокоиться, ваше высокоблагородіе... Ничего я вамъ не докладывалъ, ни объ какой мздѣ...

Владиміръ Васильичъ.

Какъ ничего? А деньги?...

Прикащикъ.

Никакъ нѣтъ-съ, сударь... Ни объ какихъ деньгахъ вашу честь не безпокоилъ... Напрасно изволили въ сердце войдти... Хозяинъ, то-есть приказалъ только спросить: когда изволите его къ отвѣту потребовать... А это напрасно только изволите себя тревожить...

Владиміръ Васильичъ.

А, теперь запирается сталь... Да хорошо вотъ въ полиціи тебя

сейчасъ допросятъ... (*Къ Андрею.*) Пошолъ же за квартальнымъ...
(*Андрей уходитъ.*)

Прикащикъ.

Какъ вамъ угодно, а я ничего-съ.

Владимиръ Васильичъ.

Какъ тебя зовутъ?..

Прикащикъ.

Какъ угодно вашей милости, а у меня дѣла хозяйскія: мнѣ время продолжать некогда... Счастливо оставаться... (*Проскользаетъ въ двери за Андреемъ.*)

Владимиръ Васильичъ.

Стой... А, шельма, ушелъ. Ловокъ, мошенникъ!.. Когда же наконецъ убѣдится этотъ дикій народъ, что могутъ быть на Руси чиновники совершенно неподкупные?.. А соблазнъ былъ не малъ: пакетъ порядочный... Знали къ кому шли... О, какъ бы можно обирать этихъ мошенниковъ, если бы захотѣть... Я радъ, что судьба послала мнѣ новый соблазнъ въ день моего рожденія и я не поддался ему: говорятъ, какъ проведешь первый день новаго года жизни, такъ и весь годъ... Андрей... Андрей... Ну, теперь зашелъ: не скоро его дождешься... (*Кладетъ передъ себя кипу бумагъ и начинаетъ ихъ читать. Въ сосѣдней комнатѣ слышится робкій кашель и шарканье ногами.*) Андрей, это ты? (*Кашель продолжается.*) Кто же бы это? (*Встаетъ, подходитъ къ дверямъ направо и пріотворивши ихъ, заглядываетъ въ сосѣдную комнату.*) Что вамъ угодно?.. Что же вы стоите тутъ? Пожалуйста сюда...

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Владимиръ Васильичъ и Потапъ Егорычъ.

Владимиръ Васильичъ.

Что же это вы черезъ заднее крыльцо...

Потапъ Егорычъ (*въ мундиръ, при шпагѣ и съ треугольной шляпой въ рукахъ, робко и не ловко входя въ кабинетъ*).

Да я не... не посмѣлъ...

Владимиръ Васильичъ.

Чего же не смѣть? помилуйте...

Потапъ Егорычъ.

Да я... это все равно, ничего-съ... я, чтобы не беспокоить...
Честь имѣю явиться, секретарь захарьевской градской думы, титулярный совѣтникъ Зайчиковъ.

Владимиръ Васильичъ.

Не угодно ли вамъ садиться?

Потапъ Егорычъ.

Помилуйте, я и постою-съ...

Владимиръ Васильичъ.

Садитесь, садитесь, безъ церемоніи...

Потапъ Егорычъ.

Не усталъ-съ... все сидѣлъ...

Владимиръ Васильичъ.

Да садитесь же, пожалуйста... Вотъ стулъ, вотъ... Садитесь.

Потапъ Егорычъ.

Что вы такъ изволите беспокоиться?.. Не успѣлъ заслужить такой чести... *(Присаживается на конецъ стула.)*

Владимиръ Васильичъ.

Что же вы по дѣлу здѣсь?.. Да, какъ бишь вы называли свою фамилію.

Потапъ Егорычъ *(привставая)*.

Зайчиковъ, титулярный совѣтникъ.

Владимиръ Васильичъ.

Зайчиковъ... У меня въ отдѣленіи есть молодой человекъ Зайчиковъ: вы не родственникъ ли ему?

Потапъ Егорычъ.

Мой собственный сынъ... *(Вставая.)* Почелъ долгомъ принести вашему высокородію мою родительскую благодарность за ваши къ нему благодѣянія... Повѣрьте, ваше высокородіе, моя молитва за васъ... всегда...

Владимиръ Васильичъ.

Полноте, какія же благодѣянія... Садитесь, пожалуста... Я сдѣлалъ только то, что былъ обязанъ: вижу, молодой человекъ изъ университета, я самъ университетскій, мы стараемся окружить себя подобными людьми.. Онъ теперь столоначальникъ... Ну,

хоть это и не много, но что дѣлать. я самъ такъ же началъ... Теперь по крайней мѣрѣ онъ хоть имѣетъ возможность существовать, а главное, можетъ показать свои способности... Я говорилъ о немъ и губернатору.

Потапъ Егорычъ *(со слезами на глазахъ)*.

Не знаю какъ благодарить, не знаю какъ...

Владиміръ Васильичъ.

Да благодарить и не нужно: я это сдѣлалъ не для васъ и не для него, а для дѣла... Онъ молодой человекъ, образованный, развитый, съ новыми взглядами, слѣдовательно вѣроятно будетъ и безкорыстенъ... а мы съ генераломъ только этого и желаемъ... Одно мнѣ не нравится въ вашемъ сынѣ: онъ очень пылокъ, и не знаю, какъ вамъ сказать, жизни ли онъ не понимаетъ или слишкомъ много думаетъ о себѣ, но нѣтъ въ немъ этой необходимой въ службѣ уступчивости, терпѣнія...

Потапъ Егорычъ.

Молодъ-съ... Это по молодости, отъ неопытности.

Владиміръ Васильичъ.

Нѣтъ, вотъ видите ли: всѣ вѣдь мы въ университетѣ думаемъ министрами быть, но потомъ, когда послужилъ годъ, поосмотришься, видишь, что для всего есть свои законы, правила, дороги, и... покоряешься... Ну, и ему бы кажется, пора понять это: три года служить...

Потапъ Егорычъ.

Четыре, ваше высокородіе.

Владиміръ Васильичъ.

Вотъ видите, а между тѣмъ до сихъ поръ онъ позволятъ себѣ нѣкоторыя выходки: то изъ присутствія уйдетъ прежде времени, то не явится вечеромъ... подъ тѣмъ предлогомъ, что дѣло свое сдѣлалъ, да вѣдь порядокъ нарушаетъ... Ну, и формы не соблюдаетъ, иногда даже умышленно. Конечно, смѣшно, что какой-нибудь столоначальникъ разсуждаетъ объ установленномъ и уже существующемъ порядкѣ, а между тѣмъ это можетъ повредить его служебной карьерѣ...

Потапъ Егорычъ.

Внушаю, стараюсь внушить: какъ можно позволятъ себѣ свое разсужденіе... долженъ все исполнять, что тебѣ начальство приказываетъ, въ томъ вся наша служба... Когда начальство къ намъ

благовоить, въ томъ все наше счастье, а не будетъ милости отъ начальства, что съ нами станется... Не знаю какъ это онъ такъ... вѣтреникъ этакой... А долженъ сказать, вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ, никогда я не видалъ отъ него непочтенія, али тамъ какого ослушанія: не смотритъ на свою ученость, не гнушается моими словами, благодареніе Богу, почитаетъ отца-старика не-ученаго... Внушу, буду внушать, не оставьте только своими милостями... Что мы безъ милости начальства?.. долго ли нашего брата уничтожить?..

Владиміръ Васильичъ.

Онъ у васъ единственный сынъ?..

Потапъ Егорычъ (*жалобно*).

Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе, семерыхъ имѣю... три мальчика въ гимназій, а еще три дочки при мнѣ находятся въ дѣвкахъ...

Владиміръ Васильичъ.

А сколько вы жалованья получаете?

Потапъ Егорычъ.

85 рублей серебромъ съ копейками.

Владиміръ Васильичъ (*сухо*).

Скажите пожалуйста, какъ же вы могли дать такое воспитаніе вашимъ сыновьямъ?..

Потапъ Егорычъ.

По милости Божіей тащился кое-какъ: хоть не наживалъ, да безъ хлѣба не сидѣлъ и дѣтокъ хотѣлось людьми сдѣлать... (*Встаетъ.*) А теперь... осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вашему великодушію... Съ тѣмъ пришелъ: защитите, ваше высокородіе... Заставьте за себя Бога молить: не дайте старику отъ печали умереть и семью безъ куска насущнаго оставить...

Владиміръ Васильичъ.

Что это? Что такое вамъ нужно?

Потапъ Егорычъ.

При несчастіи нахожусь... Вы добродѣтельный человекъ: не оставьте несчастныхъ...

Владиміръ Васильичъ.

Пожалуйста, безъ предисловій: въ чемъ дѣло? Мнѣ некогда, извините меня.

ПОТАПЪ ЕГОРЫЧЪ.

Будьте милосердны, позвольте все подробно объяснить.

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Ну, говорите, только покороче.

ПОТАПЪ ЕГОРЫЧЪ.

Въ одну минуту—съ... Простите великодушно, что беспокою ваше высокородіе, не прогнѣвайтесь... Какъ изволили ихъ превосходительство въ послѣдній разъ по губерніи на ревизію ѣздить... изволили поѣхать инкогнито, никто ничего не зналъ, пріѣхали вдругъ въ нашъ городишко и прямо по присутственнымъ мѣстамъ... Я только что успѣлъ сбѣгать домой, мундиришко натянуть, перепыхался совсѣмъ по старости лѣтъ, а они ужь и къ намъ пожаловали. Изволили войти и прямо на меня оборотились, а я и отъ поповъ—то, и со страху, что наслышался объ ихней строгости, духу не могу перевести, даже языкъ къ гортани присохъ, въ горлѣ стѣсненіе сдѣлалось... Посмотрѣли на меня и спрашиваютъ: «ты секретарь?..» Только я голосомъ знакъ подалъ, а языкъ даже не проговорилъ и ихнаго чина не произнесъ... Посмотрѣли этакъ на меня и на мундиришко мой, а онъ ужь, правда, старенекъ же былъ, да и спрашиваютъ: «сколько лѣтъ у тебя мундиру...» И опять я не могъ дать отвѣта: мну, мну языкомъ, не говорить... Тутъ опять посмотрѣли на меня ихъ превосходительство и изволили сказать: «и видно, говорятъ, у кого совѣсть—то не чиста». Пошли въ присутственную комнату, не понравилось убранство: «кто, спрашиваютъ, канцелярскую сумму расходуетъ?» Голова отвѣчаетъ, что секретарь. Стали они тутъ на меня гнѣваться, что канцелярскую сумму будто бы себѣ въ карманъ кладу, а велика она, извольте справиться: только бы на бумагу, да на свѣчи стало, нынче же бланки и книги все съ печатными заголовками приказано имѣть: откуда тутъ на убранство взять?.. Мнѣ бы все это изъяснить, а ужась меня обуяла: языкъ точно деревянный... Тутъ стали ревизію производить, а у меня за два послѣднихъ дня и журналовъ не выведено, потому общество у насъ маленькое, дѣловъ никакихъ не было... Конечно для порядку слѣдовало бы поверстать изъ другихъ день, да вѣдь, не знали и ничего даже не слыхали, что скоро будетъ ревизія. Такъ этимъ разогорчились ихъ превосходительство, что все ужь тутъ стало не по нихъ: въ архивѣ порядокъ не понравился, у одного служащаго сапоги худые на ногахъ усмотрѣли, спросили меня, который мнѣ годъ; на бѣду

языкъ проговорилъ , что шестьдесятъ-пять лѣтъ, и это имъ обидно показалось, зачѣмъ до такихъ преклонныхъ лѣтъ службу продолжаю, что хотя разуму я и лишился, но въ лихоимствѣ будто бы и купцовъ обирать понятія не потерялъ. Конечно, противъ ихъ превосходительства я къ сердцу этихъ словъ принять не осмѣлился, потому того заслужилъ, хотя и не чувствую себя въ томъ виноватымъ, какъ передъ истиннымъ Богомъ говорю, но полагалъ, что ихъ превосходительство погнѣваются да и разсудить изволятъ, не думалъ того, что вдругъ меня постигло: вмѣстѣ съ распоряженіями по ревизіи пришло отъ ихъ превосходительства предписаніе, чтобы я немедленно подалъ въ отставку... Войдите въ мое положеніе, ваше высокородіе, на васъ однихъ надежда.

Владиміръ Васильичъ.

Чего же вы хотите отъ меня?

Потапъ Егорычъ.

Ихъ превосходительство вамъ довѣряютъ: одно ваше слово много значить, заступитесь за несчастнаго...

Владиміръ Васильичъ.

Что же вы, значить, считаете генерала несправедливымъ?

Потапъ Егорычъ.

Осмѣлюсь ли я только это подумать противъ начальства...

Владиміръ Васильичъ.

Такъ что же вы хотите, чтобы я для васъ покривилъ совѣстью, прося губернатора измѣнить его правильное распоряженіе?

Потапъ Егорычъ.

Ничего я не осмѣливаюсь желать, прошу только вашего милосердія: нахожусь на службѣ сорокъ пять лѣтъ и никто про меня худо не скажетъ, весь городъ до послѣдняго мальчишки знаетъ меня, и никто на меня не пожалуется, хоть справку извольте навести—это Богъ видитъ...

Владиміръ Васильичъ.

Ну, послушайте, о чемъ же вы хлопчете: прослужили сорокъ пять лѣтъ, будетъ съ васъ, пора другимъ дать мѣсто: вы уже стары, въ васъ не можетъ быть той энергіи, какъ въ молодомъ человѣкѣ; молодымъ людямъ надо уступать дорогу: они будутъ полезнѣе васъ для отечества. А вамъ по настоящему должно быть совѣстно даже оставаться на службѣ: пенсію вы выслужили, чего вамъ еще ожидать отъ службы?

Потапъ Егорычъ.

Но будьте же великодушны, чѣмъ я буду существовать? велика ли моя пенсія?

Владиміръ Васильичъ.

Такъ послушайте же, мой любезнѣйшій, что я вамъ скажу: вопервыхъ, служба не богадѣльня, вовторыхъ, какъ же вы могли существовать при вашемъ маломъ жалованьѣ?..

Потапъ Егорычъ.

Ваше высокородіе, сами разсудите: можно ли жить однимъ нашимъ жалованьемъ съ эдакою семьей?.. Дай Богъ здоровья, меня купцы не оставляли...

Владиміръ Васильичъ.

Вотъ видите, почтеннѣйшій, вы сами признаетесь, что брали съ купцовъ, а еще смѣете просить, чтобы я ходатайствовалъ за васъ передъ начальникомъ губерніи.

Потапъ Егорычъ.

Да ваше высокородіе, будьте милосерды: я никому не оказывалъ притязанія, бралъ, что принесутъ, какъ милостыню, купцы меня безъ души любятъ... Да еслибы я не бралъ отъ нихъ, такъ не то что дать дѣтямъ какое-нибудь ученье, а и грамотъ-то бы ихъ не на что было выучить... И какъ бы я мужикъ, али мѣщанинъ былъ, такъ хоть бы мастерству ихъ какому обучилъ, а то вѣдь мы тоже чиновники, дворяне называемся...

Владиміръ Васильичъ.

И гораздо бы лучше вамъ было оставить ихъ неучами, нежели образовывать на незаконно-нажитыя деньги.

Потапъ Егорычъ.

Богъ видитъ, ваше высокородіе, дѣлалъ ли я что незаконное...

Владиміръ Васильичъ.

Всякій чиновникъ долженъ жить на тѣ средства, которыя ему дало правительство, а тотъ, который позволяетъ себѣ побочные доходы, не можетъ быть терпимъ на службѣ...

Потапъ Егорычъ.

Ваше высокородіе, пощадите: на васъ однихъ надежда...

Владиміръ Васильичъ.

Ничего я для васъ не могу сдѣлать: было бы низко съ моей стороны хлопотать за васъ. Я знаю, что можно существовать

однимъ жалованьемъ. Конечно, я больше вашего получаю, но я и живу въ другомъ обществѣ, у меня и потребностей больше вашего, однако я существую же; бѣдствую, терплю лишенія, но существую однимъ жалованьемъ.

Потапъ Егорычъ (*неръшишельно*).

Ваше высокородіе, я и благодарить готовъ, только не оставьте...

Владиміръ Васильичъ (*грозно*).

Что-о-съ? Такъ еще вы осмѣливаетесь и мнѣ даже предлагать взятку, мнѣ?.. Вы до такой степени сроднились со взятками, что даже вѣрите въ возможность подкупить меня... И вы еще смѣли просить моего ходатайства?..

Потапъ Егорычъ (*оробѣвъ*).

Ваше высокородіе, ваше высокородіе!.. только по вашимъ ласкамъ, по вашему вниманію осмѣлился...

Владиміръ Васильичъ.

А, такъ вы привыкли думать, что если вамъ подають руку, сажаютъ васъ, такъ хотятъ съ васъ взятки... О, чернильное племя, да когда же оно выродится?.. Не только защищать, буду настаивать, чтобы васъ выгнали...

Потапъ Егорычъ (*на колѣняхъ*).

Простите, пощадите... одна надежда на васъ... Радъ послѣднее отдать для семьи...

Владиміръ Васильичъ.

Оставьте меня, извольте идти... хм... Дворянинъ на колѣняхъ... не позорьте своего званія... это гнусно...

Потапъ Егорычъ.

Вѣдь ничего у меня нѣтъ, вѣдь пропадетъ моя семья отъ бѣдности.

Владиміръ Васильичъ.

Оставьте меня, говорятъ вамъ: я ничему не повѣрю послѣ того, что вы осмѣлились... Вы заставляете меня думать, что и сынъ пойдетъ по вашей дорогѣ...

Потапъ Егорычъ.

Нѣтъ, нѣтъ... его-то не погубите: онъ ни въ чемъ не виноватъ... Батюшка, ваше высокородіе... (*Плачетъ*.)

Владиміръ Васильичъ.

Подите же вонъ, если не хотите, чтобы я велѣлъ васъ вывести.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тъ же, Андрей и частный приставъ.

Андрей.

Пришелъ частный-то.

Владиміръ Васильичъ.

Позови сюда...

Андрей.

Да еще секретарь, Анисимъ Ѳедорычъ.

Владиміръ Васильичъ.

Проси.

Потапъ Егорычъ.

Такъ не будетъ милости?..

Владиміръ Васильичъ.

Пойдите, а то будетъ худо.

Потапъ Егорычъ.

Хоть сына-то не оставьте! (*Уходитъ, сдерживая рыданія.*)

(Частный приставъ и Анисимъ Ѳедорычъ входятъ въ двери задней стѣны. Частный приставъ останавливается у самыхъ дверей, Анисимъ Ѳедорычъ съ портфелемъ проходитъ нѣсколько впередъ въ сторону.)

Владиміръ Васильичъ (*къ Анисиму Ѳедорычу*).

Здравствуйте, Анисимъ Ѳедорычъ! (*Подаетъ ему руку.*) Здравствуйте. (*Киваетъ головою частному приставу.*)

Частный приставъ.

Изволили требовать.

Владиміръ Васильичъ.

Да вотъ видите зачѣмъ я васъ просилъ.

Частный приставъ.

Что изволите приказать?

Владиміръ Васильичъ (*обращаясь то къ секретарю, то къ частному приставу*).

Вообразите: сейчасъ приходилъ ко мнѣ прикащикъ купца Трезимова...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Вѣрно того, что снялъ заводъ у помѣщика Ахтубова и вмѣсто десяти тысячъ ведеръ производилъ сто тысячъ...

Владиміръ Васильичъ.

Да, да! и представьте осмѣлился предлагать мнѣ взятку: огромный пакетъ съ деньгами...

Частный приставъ *(подобострастно ухмыляясь)*.

Хм... какой... негодай... Какъ же онъ смѣль-сь?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Вѣрно ходатайствовалъ по этому самому дѣлу?..

Владиміръ Васильичъ.

Да!.. вѣдь вы знаете, что генераль, не довѣряя никому и зная, что тутъ замѣшана вся земская полиція, нарочно поручилъ это дѣло мнѣ... Они ужъ объ этомъ пронюхали и вздумали подкупить—кого же? меня!..

Частный приставъ.

Хм... да-сь... *(Неодобрительно качаетъ головой.)* Народъ смѣлый-сь...

Анисимъ Ѳедорычъ *(спокойно)*.

Мошенники... *(Отворачивается и украдкой нюхаетъ табакъ.)*

Владиміръ Васильичъ *(къ частному приставу)*.

Я хотѣлъ его задержать и послать за вами: онъ какъ только замѣтилъ, что человекъ мой ушелъ, сейчасъ и скрылся...

Частный приставъ.

Хм... Скажите-сь... Какой народецъ...

Владиміръ Васильичъ.

Такъ отыщите его, пожалуйста: имени своего онъ мнѣ не сказалъ, да я его сейчасъ узнаю: такой смуглый и рябоватый, рожа плутовская.

Частный приставъ.

Слушаю! Постараю-сь!...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Запретса... Это съ опытомъ былъ подосланъ...

Владиміръ Васильичъ.

Ну, вотъ я имъ покажу, что значитъ дѣлать со мной эти опыты...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Запретя-сь... признанія не сдѣлаетъ...

Владиміръ Васильичъ.

Все равно, пусть не дѣлаетъ. Губернаторъ и безъ признанія прикажетъ съ нимъ распорядиться...

Частный приставъ.

Прикажете идти?

Владиміръ Васильичъ.

Да, пожалуйста, потрудитесь его отыскать...

Частный приставъ.

Слушаю-сь... (*Кланяется и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, БЕЗЪ ЧАСТНАГО ПРИСТАВА.

Анисимъ Ѳедорычъ.

Журналы изволили просматривать?

Владиміръ Васильичъ.

Да, читалъ, только не всё подписалъ, уже въ присутствіи... Возьмите ихъ, пожалуйста, съ собой... А насчетъ замѣчанія сената... тутъ можно выдти редакціей... изложеніемъ этого... вы не можете... Ну, это я самъ сдѣлаю.

Анисимъ Ѳедорычъ (*собирая и укладывая въ портфель бумаги.*)

Вице-губернаторъ вчера требовалъ меня къ себѣ...

Владиміръ Васильичъ.

Этo зачѣмъ?

Анисимъ Ѳедорычъ.

Не соглашается на преданіе суду чернокрутскаго и верхнеязинскаго земскихъ исправниковъ за медленность взысканія недоимокъ...

Владиміръ Васильичъ.

Да что намъ за дѣло, что онъ не соглашается, когда губернаторъ приказалъ... Генераль непременно хочетъ, чтобы всѣ недоимки къ новому году были очищены... во что бы то ни стало.

Анисимъ Федорычъ.

Да вѣдь и не сообразно, Владиміръ Васильичъ, и суду-то ихъ предать: за это бы и нельзя по настоящему...

Владиміръ Васильичъ.

Вы вѣдь знаете, что это губернаторъ приказалъ: такъ вице-губернаторъ можетъ не соглашаться сколько ему угодно; пусть подастъ мнѣніе, а между тѣмъ журналъ привести въ исполненіе... Вѣрно ему тѣ исправники *очень дорожи*, что онъ такъ вступается за нихъ...

Анисимъ Федорычъ.

Не могу знать-съ... Опять приказали сорокинскому становому приставу Пурпурову написать строжайшій выговоръ по жалобѣ вольноотпущенной женки Петровой, на медленность производства слѣдствія о покражѣ у нея имущества на двадцать пять рублей съ копѣйками...

Владиміръ Васильичъ.

Ну, да...

Анисимъ Федорычъ.

По закону сначала слѣдуетъ потребовать объясненія... Ему уже и то было пять выговоровъ, а за шестымъ слѣдуетъ преданіе уголовного суда...

Владиміръ Васильичъ.

Мнѣ этого-то и хочется; я слышалъ, онъ большой мошенникъ.

Анисимъ Федорычъ.

Прикажете написать выговоръ?

Владиміръ Васильичъ.

Да, да, непременно.

Анисимъ Федорычъ.

Слушаю-съ.

Владиміръ Васильичъ.

Больше ничего нѣтъ особеннаго?

Анисимъ Федорычъ.

Никакъ нѣтъ-съ.

Владиміръ Васильичъ.

Не слышали ли чего новенькаго?

Анисимъ Федорычъ.

Вице-губернаторъ на васъ въ большой претензіи остаются. Вчера даже и на меня кричали: если что случится—защитите...

Владиміръ Васильчъ.

Ужь объ этомъ не безпокойтесь: за мною вы совершенно без-
опасны. Чтò же такое, разкажите пожалуста?

Анисимъ Ѳедорычъ.

Не извольте огнѣваться: фанаберіей, говоритъ, забирается, а
дѣла не смыслить; изъ пустяковъ, говоритъ, шумъ выводитъ, а
важное изъ виду упускаетъ. Бѣдняковъ, говоритъ, преслѣдуетъ,
а настоящихъ взяточниковъ около себя держитъ...

Владиміръ Васильчъ.

Ага! не по душѣ ему это преслѣдованіе... Знаетъ кошка чье
мясо съѣла... Ну, да не долго и ему насидѣть: говорятъ, что не
беретъ, ни за что не повѣрю; не можетъ тотъ не брать, кто защи-
щаетъ взяточниковъ... Надобно объ этомъ передать губернатору...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Только вы, Владимиръ Васильчъ, меня пожалѣйте: тоже и
вицъ-губернаторъ человѣкъ случайный...

Владиміръ Васильчъ.

Я вамъ сказалъ, что вы, пока держитесь меня, можете быть
совершенно покойны...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Андрей и Золотаревъ.

Андрей (*входя*).

Дмитрій Николаичъ Золотаревъ пріѣхалъ.

Владиміръ Васильчъ.

Проси, проси. До свиданія, Анисимъ Ѳедорычъ.

Золотаревъ (*входя*).

Здравствуйте, Владимиръ Васильчъ... Извините, я, кажется,
помѣшалъ вашимъ занятіямъ?

Владиміръ Васильчъ.

Извините, что я встрѣчаю васъ въ такомъ дезабиле... А заня-
тія мои никогда не прерываются: это безконечная исторія... (*Къ*
Анисиму Ѳедорычу.) Такъ, пожалуста, сдѣлайте поскорѣй испол-
неніе по этимъ бумагамъ.

Анисимъ Ѳедорычъ.

Слушаю-съ. Честь имѣю свидѣтельствовать почтеніе. (*Кланяется Золотареву.*)

Золотаревъ.

Прощайте, почтеннѣйшій Анисимъ Ѳедорычъ. (*Подаетъ ему руку.*)

(*Анисимъ Ѳедорычъ уходитъ.*)

Владиміръ Васильичъ (*подвигая кресла Золотареву.*)

Прошу васъ покорнѣйше. А вы знакомы съ моимъ секретаремъ?

Золотаревъ.

Помилуйте, кто же изъ здѣшнихъ помѣщиковъ не знаетъ Анисима Ѳедорыча? онъ вѣдъ нѣсколько лѣтъ назадъ былъ секретаремъ здѣшней гражданской палаты, да при прежнемъ предсѣдателѣ его, кажется, попросили удалиться, былъ нѣсколько времени безъ мѣста, и вотъ опять дѣйствуетъ на пользу службы... (*Двусмысленно улыбается.*)

Владиміръ Васильичъ.

Да и въ губернскомъ правленіи ему бы не усидѣть на мѣстѣ: слухи о немъ ходили не совсѣмъ хорошіе, да я замѣтилъ, что онъ отличный дѣлецъ, и упросилъ губернатора оставить его; онъ можетъ быть очень полезенъ для службы, только его надобно держать въ рукахъ...

Золотаревъ.

Смотрите, не похвастайте, онъ опытная щука, какъ разъ выскользнетъ изъ рукъ, и не замѣтите.

Владиміръ Васильичъ.

Если и выскользнетъ, то, надѣюсь, не въ рѣку, а въ садокъ гдѣ ей будетъ ужъ очень голодно.

Золотаревъ.

Щука и въ садкѣ сумѣетъ найти поживу; впрочемъ это не бѣда: пусть ее ѣстъ, лишь бы другіе были сыты... Но не въ томъ дѣло... Я пріѣхалъ къ вамъ съ просьбой, Владиміръ Васильичъ...

Владиміръ Васильичъ.

Что вамъ угодно, Дмитрій Николаичъ? готовъ все исполнить съ величайшимъ удовольствіемъ.

Золотаревъ.

Ловлю на словѣ: согласіе дано прежде просьбы, слѣдовательно можно высказать просьбу не стѣснясь... Скажите, пожалуйста, за что вы напали такъ на Трезимова...

Владиміръ Васильичъ.

О, это величайшій мошенникъ...

Золотаревъ.

Вотъ ужъ ничего не видя и мошенникъ: какъ вы, молодые люди, щедры на привѣтствія...

Владиміръ Васильичъ.

Да помилуйте, Дмитрій Николаичъ, вообразитѣ, что онъ осмѣлился со мной сдѣлать не дальше, какъ сегодня...

Золотаревъ.

Знаю, знаю, и полагаю уже половина города знаетъ объ его преступленіи и о вашемъ геройствѣ.

Владиміръ Васильичъ *(смущаясь)*.

Да какимъ же образомъ вы могли такъ скоро узнать?

Золотаревъ.

Очень просто: я ѣхалъ къ вамъ, какъ встрѣтился съ частнымъ приставомъ Тебетениковымъ; у меня была маленькая просьбишка, требующая немедленнаго исполненія по случаю покражи нѣкоторой суммы денегъ, тысячъ въ десять серебромъ, совершенной сегодняшнею ночью у одного изъ моихъ повѣренныхъ, тоже порядочнаго вора, признаться сказать... Такъ я, благо встрѣтился, и просилъ было его принять немедленно мѣры къ отысканію такого искуснаго вора, который умѣлъ обокрасть своего товарища. Никакъ, говорить, не могу: Владиміръ Васильичъ приказалъ отыскать мошенника, который давалъ ему денегъ; а вѣдь такихъ мошенниковъ не много, Владиміръ Васильичъ, которые бы денегъ-то давали!... долженъ, говорить, отыскать этого мошенника во что бы то ни стало, а до тѣхъ поръ, говорить, никакими государственными дѣлами заниматься не дозволено...

Владиміръ Васильичъ *(смыется, чтобы скрыть невольное смущеніе)*.

Ха-ха-ха!... Вы вѣчный острякъ и шутникъ... Но что же вамъ до Трезимова?

ЗОЛОТАРЕВЪ.

Какъ что, помилуйте! онъ въ части со мной по откупу, а если вѣдь вы его подберете къ рукамъ, такъ онъ, пожалуй, обанкрутитя, а чрезъ это, вопервыхъ, государство потеряетъ одинъ изъ производительныхъ капиталовъ, ну да государство, положимъ, не будетъ плакать: оно останется довольно неподкупностью и распорядительностію своихъ чиновниковъ, а вотъ мои-то дѣла пострадають, вотъ что прискорбно...

Владиміръ Васильичъ.

Такъ зачѣмъ же, скажите пожалуста, онъ рѣшился тайно производить большее количество ведеръ? вѣдь онъ перестроилъ и усилилъ заводъ не испросивши дозволенія и не заплативши узаконенныхъ пошлинъ; а онъ, говорятъ, очень богатъ.

ЗОЛОТАРЕВЪ.

Да за это, конечно, онъ дуракъ, а по капиталу онъ, дѣйствительно, субъектъ очень интересный для анатомическихъ изслѣдованій какъ неподкупной, такъ и другой противоположной ей администраціи, ибо первая можетъ отличиться неподкупностью возрѣній и честностію труда, другая, обогатиться разнообразными приобрѣтеніями... Но оставимъ все эти побрякушки и обратимся къ дѣлу; вотъ въ чемъ моя просьба: нельзя ли какъ замять это дѣло?

Владиміръ Васильичъ.

Что вы говорите, Дмитрій Николаичъ? Ужь на это-то я никакъ не рѣшусь, и даже удивляюсь, какъ вамъ вздумалось оскорблять меня такую просьбой...

ЗОЛОТАРЕВЪ.

Ну, послушайте, удивляться тутъ нечему и оскорбляться также; вѣдь я вамъ денегъ не предлагаю, а каждому просить о томъ, что для него нужно, позволяется... не правда ли?... Такъ на этомъ-то законномъ основаніи я и прошу васъ, а вотъ и резоны: вы начнете производить слѣдствіе, Трезимовъ, можетъ, успѣетъ доказать, не то, что вамъ хочется—и тогда все дѣло будетъ пустякъ... Ну, положимъ, что вы и докажете противное, такъ вѣдь не вы послѣдніе судьи, можетъ-быть и слѣдствіе окажется неправильно произведеннымъ, пріѣдутъ новые слѣдователи, для которыхъ дѣло предстанетъ въ другомъ свѣтѣ... и тогда ваше рвеніе пропадетъ даромъ... Такъ не заводите шуму изъ пустяковъ, и, если ваша совѣсть такъ щекотлива, что вы не можете покривить

ею, такъ вотъ вамъ средство: уступите это дѣло другому слѣдователю...

Владимиръ Васильичъ.

Губернаторъ мнѣ его поручилъ, и я его долженъ произвести...

Золотаревъ.

То есть, можетъ-быть, вы опасаетесь, что губернаторъ заподозритъ васъ въ чемъ-нибудь, если вы передадите это дѣло другому,—небойтесь: вы можете именно представить ту причину, что вы совѣтникъ, и что вамъ не ловко производить слѣдствіе, или наконецъ даже то, что уже къ вамъ приходили съ подкупомъ, и что поэтому уже самому вы не можете быть совершенно безпристрастны... Вы ужь теперь огласили, что васъ подкупали: хорошо, если откроете, что вамъ хочется, а если не успѣете, то, увѣряю васъ, весь городъ будетъ думать, что вы приняли деньги, а распустили слухъ о своей неподкупности для того, чтобы замаскировать свой поступокъ.

Владимиръ Васильичъ.

Я ничего не боюсь, увѣряю васъ... въ моей честности никто не смѣетъ сомнѣваться... И развѣ это не значить покривить своей совѣстью: передать дѣло отъ себя въ другія руки для того, чтобъ оно было произведено противозаконно...

Золотаревъ.

Эхъ, Боже мой, неужели вы думаете, что при нашемъ губернаторѣ нѣтъ честныхъ людей, кромѣ васъ? А хотите вы мнѣ вѣрять или нѣтъ: я уважаю честныхъ людей и поэтому-то желаю вамъ добра... Я вамъ разкажу притчу: въ одномъ мѣстѣ явился богатырь, началъ все рубить и крошить, что ни попадалось подъ руку: летѣли секретари, столоначальники, засѣдатели, исправники, ничто не могло сопротивляться... Очень расхрабрился нашъ богатырь и вздумалъ помѣряться силами съ нѣкоторымъ чудовищемъ, называемымъ миллионъ: сшибъ у одного голову, сшибъ у другаго, только вступились за обиженныхъ прочие—и слетѣлъ богатырь съ мѣста, какъ ни крѣпко стоялъ на немъ...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И АНДРЕЙ, ПОТОМЪ НИКИФОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ И ПРАСКОВЬЯ
МИХАЙЛОВНА.

АНДРЕЙ (*торопливо входя*).

Владиміръ Васильчъ!

Владиміръ Васильчъ.

Что тебѣ нужно?

АНДРЕЙ.

Пожалуйте сюда...

Владиміръ Васильчъ.

Да что тебѣ?

АНДРЕЙ.

Да папенька съ маменькой пріѣхали.

Владиміръ Васильчъ (*мѣняясь въ лицѣ*).

Гдѣ?

АНДРЕЙ.

Здѣсь, въ прихожей раздѣваются. (*Уходитъ*.)

ЗОЛОТАРЕВЪ.

Ну-съ очень радъ, что нашъ разговоръ прерывается такимъ радостнымъ для васъ событіемъ.

Владиміръ Васильчъ (*въ сильномъ замѣшательствѣ*).

Нѣтъ, вотъ видите... Вѣдь онъ вретъ..., Вѣдь онъ дуракъ... Это дальніе дядя и тетка мои, у которыхъ я воспитывался послѣ смерти моихъ родителей... Они... они...

ЗОЛОТАРЕВЪ.

Но все-таки для васъ это дорогіе гости... Надѣюсь, что хоть ради ихъ пріѣзда, вы исполните мою просьбу...

Владиміръ Васильчъ.

Я, право, не знаю... Извините меня...

Голоса за сценой.

Да гдѣ онъ? гдѣ нашъ Володя?

НИКИФОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ И ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА
(*входя*).

Вотъ онъ, вотъ нашъ Володя. (*Бросаются къ нему и стараются обнять. Владиміръ Васильчъ смущенный старается*

уклониться отъ объятий, улыбается, хмурится, блѣднѣетъ и краснѣетъ.)

НИКИФОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

А, каковы мы, Володя? прикатили! ха, ха, ха! *(Потираетъ руки.)*

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Да что ты здоровъ ли, что точно не въ своей тарелкѣ... Али не радъ намъ?

ВЛАДИМІРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Нѣтъ, помилуйте, тетушка... Вотъ у меня... *(Указываетъ на Золотарева.)* Извините, Дмитрій Николаичъ.

ЗОЛОТАРЕВЪ.

Извините меня... Позвольте...

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА *(перебивая его)*.

Нѣтъ, какъ ты меня тетушкой-то назвалъ... Неужели ужь всѣмъ отвыкъ... *(Обращаясь къ Золотареву.)* Не имѣю, сударь, чести знать вашего имени, отчества... Вы люди губернскіе, мы люди деревенскіе, не взыщите на нашей простотѣ... Рада чести васъ видѣть у моего Володеньки и карету вашу видѣли, карета прекрасная, видно вы люди богатые, мы люди бѣдные.

НИКИФОРЪ МИХАЙЛИЧЪ.

А мы въ кибиточкѣ притащились... ха, ха, ха!.. Въ кибиточкѣ...

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Извините, батюшка, на нашемъ необразованьи, на нашемъ неученьи... Вы люди губернскіе, мы люди деревенскіе, изъ простыхъ-простые...

ЗОЛОТАРЕВЪ.

Очень пріятно, сударыня, очень пріятно... *(Къ Владиміру Васильичу вполголоса.)* Вполнѣ понимаю ваше положеніе, и если угодно, оставлю для одного себя тайною вашу радость... Но какъ же ваше согласіе?

ВЛАДИМІРЪ ВАСИЛЬИЧЪ *(совершенно смущенный)*.

Извольте, я согласенъ... Это такъ странно случилось...

ЗОЛОТАРЕВЪ.

Будьте, покойны... Прощайте...

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Прощайте, сударь...

ЗОЛОТАРЕВЪ.

Прощайте, сударыня...

НИКИФОРЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Позвольте познакомиться: недоросль изъ дворянъ, Никифоръ Михайловъ Губанчиковъ... Въ пятьдесятъ лѣтъ недоросль, а все-таки изъ дворянъ, замѣтите!.. Ха, ха, ха... Да, да, вотъ какого воспиталь... *(Указываетъ на Владиміра Васильевича.)*

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Это все я, все я хлопотала: и въ гимназію я опредѣляла... Не вѣрьте, бабушка, гдѣ бы ему...

ЗОЛОТАРЕВЪ.

Очень радъ, очень радъ... Прощайте, Владиміръ Васильичъ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ БЕЗЪ ЗОЛОТАРЕВА.

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА *(подбѣгая къ Владиміру Васильичу).*

Ну, ну, перестань: не бойся, вѣдь, не сержусь... Все высказала и съ души долой... Ну-ка обнимай ласковѣй-то...

НИКИФОРЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Кого сначала-то станешь, Володя: всякому обидно... Лучше обоихъ вдругъ... Ха, ха, ха!..

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Ну, перестань же кобениться-то: говорятъ, все съ сердца спало... Вѣдь, мы какъ тебя любимъ то, а сердилась, сердилась... Ну, а теперь нечего... *(Обнимаютъ его и цѣлуютъ.)* Вѣдь, мы къ тебѣ недѣльки на двѣ пріѣхали, а можетъ-быть и...

ВЛАДИМІРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Очень радъ, только извините, у меня квартира тѣсная: мнѣ васъ помѣститъ негдѣ...

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА.

Что, что? Что ты сказалъ? у тебя отцу съ матерью мѣста нѣтъ?

Никифоръ Михайлычъ.

Вотъ тебѣ разъ... ха, ха, ха!.. Вотъ тебѣ разъ!

Владимиръ Васильичъ.

Послушайте, тетушка: пора это кончить... Вы могли отъ меня требовать, чтобы я считалъ васъ матерью, когда я былъ ребенкомъ, и когда вы меня кормили кашей и пирогами съ капустой... А теперь я всѣмъ себѣ обязанъ, и потому позвольте мнѣ быть только вашимъ племянникомъ...

Прасковья Михайловна.

Что, что?.. Такъ вотъ какъ! такъ эдакъ-то?.. Такъ ты всѣмъ себѣ обязанъ? Такъ не я тебя въ гимназію опредѣлила, не я за тебя послѣднія деньги платила, не на свой счетъ тебя въ Москву, въ университетъ свезла? Много ли послѣ родителей-то у тебя осталось: кукишь... Такъ вотъ благодарность?.. Такъ знай же, безсовѣстный, не ѣсть твой хлѣбъ ѣхали, а тебѣ везли... *(Со слезами.)* Богъ съ тобой... Не надо тебѣ насъ, нѣтъ же и тебя у насъ... Тетушка Глафира Ивановна померла, и все имѣніе намъ въ раздѣлъ отказала...

Владимиръ Васильичъ.

Какъ?

Прасковья Михайловна.

Такъ, голубчикъ... Мы было съ братомъ свою часть тебѣ хотѣли отдать, теперь не видать тебѣ ея... Получай свои тридцать душъ... да и поминай какъ насъ звали... Нѣтъ намъ у тебя мѣста—и намъ тебя не надо... Подемъ, Никифоръ Михайлычъ, подемъ... *(Плачетъ.)* Было дитя, нѣтъ дитя... Подемъ...

Владимиръ Васильичъ.

Тетушка... Маменька...

Прасковья Михайловна.

Нѣтъ, стара штука. . Минуты не хочу быть здѣсь... Андрюшка, скажи Васькѣ, чтобы лошадей подавалъ... Было дитя, нѣтъ дитя... *(Уходитъ.)*

Никифоръ Михайлычъ.

Плохо, братъ, Володя. . Грѣхъ тебѣ... Что, обанкрутился?.. Ха, ха, ха!.. *(Уходитъ.)*

Владимиръ Васильичъ.

Что за несчастіе!.. *(Бросается въ кресло.)* А въ городъ-то что будутъ говорить... Маменька... Маменька... *(Бьжитъ вслѣдъ за ушедшими.)*

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Гостиная въ домѣ Анисима Ѳедорыча. Мебель красного дерева, за исключеніемъ двухъ глубокихъ и мягкихъ креселъ на пружинахъ. Передъ диваномъ столъ овальной формы. На стѣнѣ въ простѣнкѣ между окнами большое зеркало въ рамѣ красного дерева съ такимъ же подзеркальникомъ, на которомъ стоятъ бронзовые столовые часы подъ стекляннымъ колпакомъ. На окнахъ кисейная драпировка съ бронзовыми багетами. На боковыхъ стѣнахъ двѣри одна противъ другой.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анисимъ Ѳедорычъ и Пурпуровъ.

Анисимъ Ѳедорычъ.

Хорошо, что вы поспѣшили своимъ прибытіемъ, а то Владиміръ Васильчъ настоятельно было приказывалъ послать исполненіе о шестомъ выговорѣ и о преданіи васъ суду.

Пурпуровъ.

Помилуйте, Анисимъ Ѳедорычъ, я тотчасъ поспѣшилъ по полученіи вашего письма, ни минуты не мѣшкалъ... Но будьте милостивы, Анисимъ Ѳедорычъ, разсудите великодушно: вѣдь, это не справедливо и даже, могу сказать, противозаконно.

Анисимъ Ѳедорычъ.

Докладывалъ... приказываютъ...

Пурпуровъ.

Такъ вѣдь какъ же, Анисимъ Ѳедорычъ, теперь если по каждой жалобѣ будутъ нашему брату становому дѣлать выговоры, не потребовавши даже объясненія, такъ что же это такое будетъ? это нельзя служить... Это, выходитъ, одно мщеніе противъ нашего брата...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Начальство!..

Пурпуровъ.

Конечно начальство, Анисимъ Ѳедорычъ, но неужели начальство не можетъ разсудить, что хоть бы я становой, я не могу же заниматься каждымъ мужикомъ и бабой: у меня вонъ ихъ въ стану-то двадцать семь тысячъ... А мужикъ, извѣстно, народъ глупый, необразованный неучъ: ему только поблажку дай, онъ

каждый день будетъ жаловаться... Ну вотъ хоть бы теперь по этому дѣлу о покражѣ имущества у вольноотпущенной женки Петровой: тамъ стащили у нея коробишку съ тряпьемъ, чай, всего алтына на три, а она объявляетъ пропажу въ 25 рублей серебромъ, и жалуется еще на медленность производства слѣдствія... Да развѣ есть мнѣ время заниматься такими пустяками? у меня есть дѣла поважнѣе... У меня ихъ въ стану-то двадцать семь тысячъ, а имъ что больше дѣлать, какъ не воровать другъ у друга? если во всѣ ихъ дразги входить, такъ это давно надобно здоровья лишиться, болѣзнь себѣ получить, да и времени не достанетъ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Требууютъ распорядительности...

Пурпуровъ.

Гм... Да развѣ вы не знаете, Анисимъ Ѳедорычъ, моей распорядительности?.. Кажется, давно знакомы: знаете сами, вашъ домъ былъ въ моей части, когда еще состоялъ я здѣсь частнымъ приставомъ, былъ ли какой беспорядокъ, или тамъ упущеніе, медленность?.. Такъ ужь, кажется, насчетъ этого мнѣ не учиться... Вѣдь, начальство, можетъ, того не знаетъ; надъ мужикомъ какая нужна распорядительность? Чтобы онъ былъ тихъ, покоренъ, не возмечталъ объ себѣ, кулакъ да плеть нужна на него... Коли въ строгости онъ содержится, не даетъ ему становой потачки, вотъ и порядокъ въ стану, вотъ и распорядительность вся, чтобы онъ голоса не смѣлъ подать, потому зналъ бы, что онъ есть мужикъ... А вотъ у кого должно спросить начальство, распорядителенъ ли я: у помѣщика. Становой постановленъ для огражденія помѣщиковъ, у нихъ и спросите про меня, такъ ужь я знаю, что ни одинъ на меня не пожалуется. Кто усмирилъ въ самомъ началѣ возмущеніе крестьянъ противъ помѣщика Летаева? я!.. Кто отыскалъ троихъ бѣглыхъ дворовыхъ людей помѣщика Отрубкина? я!.. Кто поймалъ воровъ, что обокрали полковника Шипина? я же, вѣдь... Такъ развѣ это не распорядительность?.. Да на меня теперь ни одинъ господинъ не пожалуется, чтобы я не занялся, не приказалъ при себѣ отодрать послѣдняго лакеишка, котораго пришлютъ ко мнѣ для наказанія... Такъ вотъ бы на что должно было начальство обратить вниманіе... Какъ еще служить—не знаю...

Анисимъ Ѳедоровичъ (съ невольною горечью).

Начальство нынче требуетъ, чтобы ко всякому послѣдному

рабу оказывать такое же вниманіе, какъ къ хорошему настоящему дворянину или чиновнику...

Пурпуровъ.

Гм... Такъ я теперь долженъ служить мужику, съ нимъ и знакомство вести, а дворянскую компанію я оставлять долженъ... Ахъ! (*Съ глубокимъ вздохомъ.*) Чудеса, чудеса! чего только начальство требуетъ! Такъ я теперь чиновникъ, имѣю себѣ сорокъ пять лѣтъ отъ роду, имѣю при себѣ жену и семейство, дочь на возрастѣ, и долженъ я водиться съ мужикомъ? да пустить ли тогда меня къ себѣ въ домъ хоть одинъ помѣщикъ, или долженъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ уединеніи оставаться, въ дикости эдакой, какъ въ ссылкѣ какой?.. А гдѣ же хоть бы моимъ дочерямъ и перенять что-нибудь, какъ не въ господскомъ домѣ? А меня, слава Богу, вонъ генеральша Фонъ-Дризендорфъ, такъ и та принимаетъ къ себѣ въ домъ... Опять я то знаю, что помѣщикъ меня ни въ чемъ и не оставитъ, если я ему услужу, а отъ мужика чего мнѣ ждать?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Начальство ни во что это не входитъ: это вотъ вы мнѣ только такъ по знакомству говорите, а начальство дѣлаетъ взысканіе только по однимъ дѣламъ.

Пурпуровъ.

Я, Анисимъ Ѳедорычъ, ни въ какихъ дѣлахъ не замаранъ: я въ своей совѣсти чувствую... А я знаю откуда все это происходитъ: это все исправникъ мнѣ мститъ, и за что онъ мнѣ мститъ, понять не могу... Онъ разыгрываетъ ту роль, что по Владиміру Васильичу отъ нынѣшняго губернатора поставленъ, такъ будто бы ни къ чему не причастенъ: точно я два раза приносилъ ему слѣдующее, какъ по прежнему было, онъ не взялъ, но этимъ вѣдь, насъ тоже не обморочишь: между тѣмъ слышу, требуетъ отъ откупщика, чтобы становымъ не давать, а что прежде шло на исправника и двухъ становыхъ, все бы это ему одному доставлять... Опять по дѣламъ будто бы не беретъ, а съ раскольниками что дѣлаетъ? знаетъ, что генераль строго слѣдитъ по этой части и всячески старается о преслѣдованіи раскола, такъ пріѣдетъ въ какой-нибудь раскольничій домъ въ ночное время съ обыскомъ, перепугаетъ всѣхъ—одна старуха даже черезъ этотъ испугъ смерть получила,—оберетъ тамъ всѣ книги и образа запрещенные, да и говоритъ: вотъ, говоритъ, коли хотите, чтобы все оставилъ и не открывалъ, такъ деньги давайте, и напишу, что ни-

чего не нашель. Тѣ извѣстно: бери, что угодно, только ихъ святости не тронь... Такъ онъ деньги-то возьметъ, а образа-то да книги все-таки представитъ... А нашъ генераль да и Владиміръ Васильчъ извѣстно какъ думаютъ: ужь коли раскольниковъ обижаетъ, значить, дескать, человекъ безкорыстный; такъ на эдакое-то безкорыстіе всякаго станеть. А по нашему это низость, что взялъ съ подначальнаго человека и не сдѣлалъ для него... Мы еще эдакъ не поступаемъ... Вотъ спросилъ бы меня Владиміръ-то Васильчъ, я бы ему поразказалъ про ихнаго-то честнаго исправника...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Не повѣрять: скажутъ выдумка...

Пурпуровъ.

Да оно точно выдумка, только выдумка-то хороша; онъ съ этой выдумкой тысячь десять въ годъ нажилъ... Ихній-то честный исправникъ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Разумѣется, мошенникъ!

Пурпуровъ.

То-то и есть, Анисимъ Ѳедорычъ! А нашему брату бѣдняку жить нельзя: ты какими-нибудь крупицами пользуешься, а тебя взяточникомъ зовутъ... Нѣтъ, это все, Анисимъ Ѳедорычъ, отъ счастья; кому какое счастье. Вотъ хоть бы господинъ вице-губернаторъ за Зайчикова, за думскаго секретаря, за того вступился, хоть тотъ по глупости самъ, говорятъ, признался ему, что благодарности принималъ, а на меня прошлаго года опрокинулся, страцалъ отъ должности удалить... Изволите знать, по дѣлу о засѣченіи дворовой дѣвки помѣщикомъ Быстриковымъ... А я тогда, видитъ Богъ, не изъ низости изъ к кой, не изъ корысти, а просто потому, чтобы не погубить хорошаго человека изъ-за эдакихъ пустяковъ, хотѣлъ дѣло потушить... Нѣтъ, это, право, кому какое счастье. . На меня, какъ на бѣднаго Макара, всѣ шишки валяются...

Анисимъ Ѳедорычъ.

А я вамъ скажу, что вы въ большомъ сомнѣніи: примите мѣры, а то можете должности лишиться...

Пурпуровъ.

Анисимъ Ѳедорычъ, по нашему давнему знакомству прошу васъ, не оставьте... Вы знаете меня: я человекъ не непризна-

тельный какой... Изволили получить стерлядочекъ, что я послалъ къ вамъ о запрошлой недѣлѣ?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Благодарю васъ, получилъ, только половина дорогой уснула...

Пурпуровъ.

Я вамъ, Анисимъ Ѳедорычъ, привезъ штучку подрагоцѣннѣе, да еще и не одну, а двѣ: бѣлорыбишку провѣсную, да балычокъ осетровый... Такія штучки, признаюсь: посмотрѣть, слюнки текутъ... Они здѣсь: кому прикажете отдать? или самимъ посмотрѣть угодно?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Благодарю васъ, тамъ люди получаютъ: отдадите... Вѣдь, я думаю, даровщинка... Хе!.. *(Съ улыбкой.)* У васъ вѣдь тамъ купцы на Уралъ торговать ѣздятъ, такъ на поклонъ по возвращеніи, чай, десяточекъ другой привезли...

Пурпуровъ.

Эхъ, Анисимъ Ѳедорычъ, нѣтъ! Не тѣ, видно, настали времена: не очень нынче и купцы-то распоясываются... Кровныя свои денежки, Анисимъ Ѳедорычъ, посылалъ: именно хотѣлось васъ почтить этимъ гостинчикомъ, какъ по себѣ знаю, сколько пріятенъ эдакой рѣдкій и лакомый кусокъ...

Анисимъ Ѳедорычъ *(сухо)*.

Благодарю васъ... Хотя и могу, какъ объяснилъ уже вамъ, замѣнить журналъ о сдѣланіи вамъ выговора другимъ: объ истребованіи отъ васъ объясненія по жалобѣ женки Петровой, и не замѣтно подамъ его къ подписанію, но только опять васъ предупреждаю: примите мѣры; относительно васъ въ большомъ сумнѣніи и генералъ и Владиміръ Васильичъ; только еще я васъ и поддерживалъ... Но за дальнѣйшія распоряженія начальства не отвѣчаю: съ нами не всегда совѣтуются... Безъ всякой причины и вдругъ можете всего лишиться.. А вы человекъ семейный...

Пурпуровъ.

Ахъ, Анисимъ Ѳедорычъ, для кого же я и живу, какъ не для семейства?.. Въ семействѣ своемъ всю отраду для себя нахожу...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Знаю я, знаю эти чувства: у меня у самого дочь, знаю какъ дѣти дороги и сколько имъ желаешь добра... Поэтому, изъ участія, васъ и предупреждаю...

Пурпуровъ.

Что же мнѣ дѣлать, что предпринять? научите...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Надо подумать...

Пурпуровъ.

Но что же я могу придумать? я готовъ бы служить начальству... Да вѣдь все зависитъ отъ Владиміра Васильича, а къ нимъ не подойдешь съ благодарностью...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Ссъ... Избави Богъ...

Пурпуровъ.

Такъ что же мнѣ дѣлать?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Надо постараться угодить начальству, заслужить его довѣріе...

Пурпуровъ.

Но какими средствами?

Анисимъ Ѳедорычъ.

Можетъ-быть и есть средства: надо подумать...

Пурпуровъ *(быстро отворачивается въ сторону, поспѣшно раскрываетъ бумажникъ и вынимаетъ изъ него пачку ассигнацій)*.

Анисимъ Ѳедорычъ... я вамъ обязанъ много... душа моя только знаетъ, сколько я вамъ обязанъ: позвольте поблагодарить васъ... отъ души... *(Подаетъ деньги.)*

Анисимъ Ѳедорычъ *(спокойно беретъ деньги)*.

Благодарю васъ. *(Искоса поглядываетъ на деньги въ своей рукѣ.)*

Пурпуровъ *(вполголоса)*.

Полтора ста...

(Анисимъ Ѳедорычъ опускаетъ деньги въ карманъ).

Пурпуровъ.

Одной прошу милости: научите, какъ войти въ расположеніе начальства... А я для службы готовъ распинать себя.

Анисимъ Ѳедорычъ.

Въ вашемъ стану вѣдь есть аскольники?

Пурпуровъ.

Есть, Анисимъ Ѳедорычъ, есть...

Анисимъ Ѳедорычъ.

И богатые?

Пурпуровъ.

Есть съ большими недостатками.

Анисимъ Ѳедорычъ (*въ раздумьи*).

А нѣтъ ли такой старой дѣвки... у нихъ бываютъ такія, что книги читаетъ, къ ней сходятся молиться, она и кадиломъ эдакъ кадитъ, и на себя что-то такое надѣваетъ...

Пурпуровъ.

Долженъ признаться передъ вами, зная всю вашу высокую честность, что не выдадите своего, — есть и такая...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Вы съ нея, стало-быть, до сихъ поръ *получали*... Ну, теперь... нечего дѣлать...

Пурпуровъ (*въ восторгъ*).

Понялъ, Анисимъ Ѳедорычъ, понялъ, сообразилъ... (*Скороговоркою*.) Дабы заслужить передъ начальствомъ, лишиться этого дохода, подкараулить ее во время сходки, оцѣпить, схватить, представить со всѣмъ, что найдется, даже можно выдумать новую секту, а ее, какъ главную сектанку... Анисимъ Ѳедорычъ, благодѣтель... Вотъ, вѣдь, оно что... Вотъ она выдумка-то...

Анисимъ Ѳедорычъ (*спокойно*).

Не хотите ли чайку? теперь время... Можетъ-быть, и съ при-
бавленіемъ любите...

Пурпуровъ (*еще въ волненіи*).

Съ удовольствіемъ могу съ вами... Ахъ, Анисимъ Ѳедорычъ, оживили вы меня... Да я на этой же недѣлѣ представляю...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Дашенька!

Голосъ за сценой.

Сейчасъ, папаша.

Пурпуровъ.

Ваша милая дочка?

Анисимъ Ѳедорычъ.

Да.

ПУРПурОВЪ.

Давно уже не имѣлъ чести видѣть...

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ, И ДАШЕНЬКА.

ДАШЕНЬКА *(вбѣгая)*.

Чего изволите, папаша? *(Дѣлаетъ книксенъ Пурпурову, и подходитъ къ отцу.)*

Пурпуровъ *(раскланиваясь)*.

Какъ изволили вырости, сударыня, и похорошѣли... Давно уже не имѣлъ чести васъ видѣть...

ДАШЕНЬКА *(насмѣшливо)*.

Развѣ я прежде дурна была?

Пурпуровъ.

Были всегда прекрасны, а теперь стали еще прекраснѣе...

ДАШЕНЬКА.

Для васъ, я думаю, это все равно...

Пурпуровъ.

Какъ это можно, сударыня, пріятно видѣть, когда цвѣтутъ... У меня, у самого дочь—невѣста...

ДАШЕНЬКА *(со смѣхомъ)*.

И то же цвѣтеть?

Анисимъ Ѳедорычъ *(съ улыбкой удовольствія смотря на дочь)*.

Ну-ка, полно, полно, болтушка. Поди-ка, пришли намъ поскорѣе чайку...

ДАШЕНЬКА.

Сейчасъ... *(Идетъ къ дверямъ.)*

Анисимъ Ѳедорычъ *(вслѣдъ ей)*.

Да и ромку... Слышишь?...

ДАШЕНЬКА.

Слышу, чайку и ромку. Исторія извѣстная. *(Уходитъ.)*

Пурпуровъ.

Веселая барышня...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Да, весела, пока отецъ живъ...

Пурпуровъ.

Ахъ, Анисимъ Ѳедорычъ, что можетъ быть этого пріятнѣе, какъ свои законныя дѣти, и какъ есть чѣмъ ихъ воспитать и образовать...

Анисимъ Ѳедорычъ *(со вздохомъ)*.

Да, вотъ у меня единственное утѣшеніе на старости.

Пурпуровъ *(тоже со вздохомъ)*.

Да, а вотъ какъ у меня ихъ шестеро, Анисимъ Ѳедорычъ, надо для всѣхъ приготовить!...

(Входитъ слуга и подаетъ чай.)

Анисимъ Ѳедорычъ.

Можетъ-быть, много дѣтей еще лучше: меньше любишь ихъ, больше себя считаешь... А вотъ, я все ей готовъ отдать, только бы была весела... Тамъ одинъ умретъ, другіе останутся, а я, безъ нея, кажется, совсѣмъ пропаду...

Пурпуровъ.

Правда ваша, Анисимъ Ѳедорычъ, велики чувства родительскія, говорятъ, съ дѣтьми не хорошо, а безъ дѣтей еще хуже того... Теперь хоть иногда и душой покривишь, такъ и предъ Богомъ покаешься, для дѣтей, Господи!... Не одного себя кормишь, отечеству слугъ приготавливаешь, а жалованьемъ однимъ не проживешь... Правду ли я говорю, Анисимъ Ѳедорычъ?

(Анисимъ Ѳедорычъ молча качаетъ головой).

Пурпуровъ.

Вы, теперь, Анисимъ Ѳедорычъ, такую мнѣ мысль подали... Такое я для начальства удовольствіе сдѣлаю, что и не ожидаютъ... А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, Анисимъ Ѳедорычъ, вѣдь эти раскольники большой вредъ нашему государству, Россіи, причиняютъ: это начальство справедливо поступаетъ, что приказываетъ ихъ всячески преслѣдовать...

Анисимъ Ѳедорычъ *(повеселѣвши отъ пунша и возбужденныхъ чувствъ родительской любви)*.

Выгодную статью дѣлаетъ для нашего брата чиновника: кто хочетъ, получай деньги, а кто не хочетъ денегъ, — чины.

Пурпуровъ *(смѣется)*.

Истинную правду изволите говорить...

Анисимъ Ѳедорычъ.

А кто половчѣе, да поумнѣе, такъ тотъ и деньги и чины получать можетъ, какъ вашъ исправникъ...

(Оба смѣются.)

Пурпуровъ.

И все такъ, Анисимъ Ѳедорычъ, всѣ изъ одного этого бьются... Отчего же это только нынче эти безкорыстные чиновники завелись...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Отчего?... Отъ самолюбія...

Дашенька *(входя)*.

А что, папаша, не пора ли вамъ въ правленіе?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

А въ самомъ дѣлѣ ужъ пора...

Пурпуровъ *(поспѣшно допивая стаканъ)*.

Позвольте пожелать вамъ, Анисимъ Ѳедорычъ, всякаго благополучія.

Анисимъ Ѳедорычъ.

Прощайте... Когда же вы домой?..

Пурпуровъ.

Сейчасъ же въ путь... Вы знаете, вѣдь я инкогнито, безъ отпуска, только по вашему...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Ну-съ... Желаю вамъ... А тамъ тѣ вещи, что привезли, отдайте человѣку...

Пурпуровъ.

Очень хорошо-съ... Отвѣдайте: замѣчательныя штучки, я самъ по этой части охотникъ... Прощайте, сударыня...

Дашенька *(незамѣтно передразнивая его)*.

Прощайте, сударь...

Пурпуровъ.

Ахъ, вы, барышня веселая! Ну да Богъ съ вами...

(Кланяется и уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ТѢ ЖЕ, БЕЗЪ ПУРПУРОВА.

ДАШЕНЬКА.

... Что у васъ, папаша, за уроды бываютъ?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Ахъ, Даша, зачѣмъ ты надъ каждымъ чѣловѣкомъ насмѣхаешься? неужели васъ этому въ пансіонѣ учили? Матушка моя, иной уродъ полезнѣе для насъ съ тобой всякаго франта...

ДАШЕНЬКА.

Ну ужь, я думаю: развѣ только тѣмъ полезенъ, что посмѣяться есть надъ чѣмъ... (*Передразнивая*) Были прекрасны; а теперь стали еще прекраснѣе...

Анисимъ Ѳедорычъ (*невольнo улыбаясь*).

Ну, что же дѣлать? не всѣмъ же быть такимъ молодцамъ, какъ Владиміръ Васильевичъ...

ДАШЕНЬКА (*вспыхнувъ*).

Что мнѣ Владиміръ Васильичъ? Есть и кромѣ него хорошіе люди на свѣтѣ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

А я думалъ, что ужь лучше его для насъ и на свѣтѣ нѣтъ...

ДАШЕНЬКА.

Я ничего не говорю про него ни дурнаго, ни хорошаго, а ласкова съ нимъ потому, что вы сами того хотите...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Поди-ка сядь возлѣ меня... Вотъ что я тебѣ скажу: ты будь съ нимъ ласкова, любезна, только не забывай, что онъ мой начальникъ.

ДАШЕНЬКА.

А мнѣ-то что до того за дѣло?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Да, разумѣется, тебѣ нѣтъ дѣла, а все-таки помни, что отъ него зависитъ моя служба и все твое благополучіе; но будь осторожна съ нимъ, потому что онъ все-таки чужой чѣловѣкъ...

ДАШЕНЬКА.

То-есть какъ осторожна?

Анисимъ Ѳедорычъ.

А не довѣрай ему очень. Ты дѣвушка умная, должна понять, что онъ ходитъ сюда такъ часто не для меня, а для тебя... Ну, и пусть ходитъ: отъ этого служба моя зависить... Только смотри, чтобы больше ничего не было...

Дашенька.

Про что это вы говорите? я не понимаю...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Ну, да хорошо!.. понимаешь: ты не дура... Помни, что ты вѣдь у меня одна, а онъ нашимъ не будетъ...

Дашенька.

Какъ это нашимъ?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

А такъ: ни твоимъ мужемъ, ни моимъ зятемъ... Печего краснѣть-то... Еслибы мы и захотѣли этого, такъ онъ не захочетъ... Такъ и будь осторожна... Намъ бы какъ только провести время, покаместъ онъ здѣсь служить, а вѣдь онъ изъ такихъ, что какъ разъ въ Петербургъ переведутъ... Эдакимъ, вѣдь, здѣсь не лафа: они только изъ того и хлопчутъ, чтобы какъ въ Петербургъ мѣстечко получить... Онъ ужь, кажется, и въ виду имѣеть... Что ты точно поблѣднѣла...

Дашенька.

Нѣтъ, ничего... Ну, а послушайте, папаша: вотъ онъ у насъ почти каждый день бываетъ; вы приказываете, чтобы я была съ нимъ любезна; ну, а если я очень привыкну къ нему, а онъ уѣдетъ въ Петербургъ, вы поѣдете ли туда?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

И не подумаю...

Дашенька.

Ну, а если я привыкну такъ, что умру безъ него?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Что? что? Что ты шутишь, или дѣло говоришь?

Дашенька.

Ну, а если дѣло...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Послушай, Дарья... Даша... ты мнѣ лучше прямо скажи... Ты знаешь, ты одна у меня... Я для тебя и живу, и служу, и коплю... Я тебя берегу... Я не съ тѣмъ тебя заставляю ласкать

его... А если, что у тебя на душѣ... ты лучше скажи мнѣ... Я и службу брошу, и его прогоню... Слышишь?... Ты мнѣ скажи... Ты мнѣ дороже всего... Я на тебя надѣялся, оттого такъ и пу- скалъ его, и тебѣ позволялъ, а то смотри... Ты мнѣ скажи лучше...

ДАШЕНЬКА (*хохочетъ*).

Ахъ, папаша, и испугался ужь, а чего и сами не знаете... Полноте, папаша, что мнѣ въ вашемъ Владимірѣ Васильичѣ! есть ли, нѣтъ ли, все равнехонько... Ха, ха, ха!.. вотъ еще что вообразилъ...

АНИСИМЪ ФЕДОРИЧЪ.

Да ты правду скажи... Какъ же ты... Что ты говорила...

ДАШЕНЬКА.

Да я пошутила, попугать васъ хотѣла...

АНИСИМЪ ФЕДОРИЧЪ.

Ну то-то смотри... Ты вѣдь умница... Ты вѣдь знаешь какъ я тебя люблю... Не шути эдакъ никогда...

ДАШЕНЬКА.

Я хотѣла только узнать, какъ вы меня любите... такъ пошала- лить...

АНИСИМЪ ФЕДОРИЧЪ.

Ну, то-то пошалить! совсѣмъ было съ ума свела... Поцѣлуй-ка меня... Да и ничего въ немъ нѣтъ хорошаго, такъ только одни разговоры пустые... Фанфоронство одно... Нѣтъ въ немъ ни- чего существеннаго: все для одного близиру и говорить и дѣ- лаетъ...

ДАШЕНЬКА.

Вотъ, папаша, ужь не люблю, все разное говорите: то хва- лите его, то браните...

АНИСИМЪ ФЕДОРИЧЪ.

Ну, ты меня не учи: я знаю, что говорю, для предостереже- нія твоего... У этихъ молодчиковъ совѣсти мало, хоть и рассказы- ваютъ тамъ розказни свои про честь, да про безкорыстіе... А мы знаемъ: не беретъ деньгами, такъ радъ взять чѣмъ другимъ... Знаю я, не будь ты такая красавица, давно бы ужь быть мнѣ безъ мѣста. Только помни: не женится онъ на тебѣ никогда...

ДАШЕНЬКА.

Да перестаньте, папаша! что это вздумалось твердить одно и то же? Говорятъ вамъ, мнѣ дѣла нѣтъ никакого до вашего Влади-

міра Васильича... Угодно вамъ, чтобы я его принимала, и примю, а не прикажете, и выходить не стану при немъ... Очень мнѣ нужно...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Нѣтъ, не выходить нельзя, только будь осторожна. . Ушей не развѣшивай.

Дашенька.

Ужь слышала, слышала, слышала... А вотъ если онъ услышитъ, что вы говорите, такъ и отдастъ васъ подь судъ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Ахъ ты... вѣтеръ!.. И то дѣло, нечего и говорить, кажись, не дура дѣвка, въ обиду сама себя не дастъ... Ну-ка, прощай, пора мнѣ въ правленіе идти...

Дашенька.

А чаю не хотите еще?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Нѣтъ, не хочу... Ромъ славный прислалъ Трезимовъ, съ одного стакана въ головѣ зашумѣло... *(Собираетъ бумаги, лежавшія на столѣ, беретъ фуражку и готовится идти.)*

(За сценой голосъ: дома баринъ? Другой голосъ: дома!)

Дашенька.

Вотъ Владиміръ Васильичъ пришелъ... За то, что вы мнѣ говорили, уйду въ свою комнату и не выйду... Занимайте его сами, какъ знаете...

(Убѣгаетъ.)

Анисимъ Ѳедорычъ *(вслѣдъ ей)*.

Погоди, не уходи... Эка вострушка!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Анисимъ Ѳедорычъ и Владиміръ Васильичъ.

Владиміръ Васильичъ *(подавая руку Анисиму Ѳедорычу быстро осматриваетъ комнату)*.

А я къ вамъ мимоѣздомъ, хотѣлось сообщить пріятную новость: вице-губернаторъ переведенъ въ другую губернію... *(Садится.)*

Анисимъ Ѳедорычъ *(стоя)*.

Будто-съ...

Владиміръ Васильичъ.

Я сейчасъ отъ губернатора, обѣдалъ у него... Съ нынѣшней почтой пришелъ указъ, перемѣщенъ въ Архангельскъ... Ничего, пусть прокатится тысячи двѣ версты, коли съ нами не умѣлъ ужиться...

Анисимъ Ѳедорычъ.

И прекрасно... Да что, пустой, безпокойный человѣкъ... Черезъ него однѣ неприятности... Свое самолюбіе любилъ тѣшить... Рѣдкій журналъ пропуститъ, все свое мнѣніе подаетъ...

Владиміръ Васильичъ.

Скажите лучше: взяточникъ и покровитель взяточниковъ... И съ-къмъ же вздумалъ тягаться?... Я давно говорилъ, что упеку его... Еще когда я былъ чиновникомъ особыхъ порученій и пріѣхалъ сюда съ генераломъ, онъ имѣлъ дерзость не заплатить мнѣ визитъ и еще вздумалъ дѣлать мнѣ замѣчанія по слѣдствіямъ... Хотѣлъ бороться съ губернаторомъ, съ этимъ благороднѣйшимъ, безкорыстнѣйшимъ человѣкомъ... И кто же, кто?... Онъ, защитникъ Зайчиковыхъ и имъ подобныхъ старыхъ мошенниковъ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Хм... да!..

Владиміръ Васильичъ.

Да что вы не садитесь?... одолжите огня... закуритъ сигару... Э, да вы и съ фуражкой: видно, въ правленіе собирались...

Анисимъ Ѳедорычъ *(зажигая спичку)*.

Да хотѣлъ было: уже время... Да не прикажете ли чаю?

Владиміръ Васильичъ.

Съ удовольствіемъ... Я еще не пилъ .. да гдѣ же Дарья Анисимовна?... Я васъ не задерживаю ли?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Нѣтъ-съ, ничего... Я вотъ ее сейчасъ позову... А мнѣ ужъ позвольте отправиться... *(Подходитъ къ дверямъ и кричитъ.)* Дашенька! поди сюда, да прикажи чайку подать для Владиміра Васильича...

Владиміръ Васильичъ.

Да вотъ еще что, я васъ хотѣлъ просить: кстати вы ѣдете въ правленіе, возьмите вотъ эту бумагу и рассмотрите ее по-

жалуста, справьтесь тамъ съ законами... Это копія съ духовнаго завѣщанія двоюродной тетки моею, по которому я долженъ получить часть изъ наслѣдства... Вмѣстѣ со мной покойницей назначены наслѣдниками родные дядя и тетка мои Губанчиковы, съ тѣмъ, чтобы имѣніе раздѣлить поровну между троими... Кажется мнѣ, воля умершей незаконна и имѣніе не можетъ быть раздѣлено, а должно слѣдовать мнѣ одному... Вы лучше знаете гражданскіе законы, служили въ гражданской палатѣ: подумайте, пожалуста, хорошенько и скажите мнѣ: я вамъ буду очень благодаренъ.

Анисимъ Ѳедорычъ.

Слушаю, разсмотрю-сь... (*Къ дверямъ.*) Дашенька, что жь ты нейдешь?..

Голосъ за сценой.

Иду, иду...

(*Входитъ Дашенька.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Дашенька.

Владиміръ Васильичъ (*вставая*).

Здравствуйте, Дарья Анисимовна. Здоровы ли вы?..

Дашенька.

Слава Богу...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Ну, а мнѣ ужъ позвольте.. Вотъ хозяйка...

Владиміръ Васильичъ.

Сдѣлайте милость, Анисимъ Ѳедорычъ... Займитесь, пожалуста, этимъ завѣщаніемъ...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Непремѣнно... (*Раскланивается.*)

Владиміръ Васильичъ.

Прощайте...

Дашенька.

Прощайте, папаша. (*Цѣлуетъ его*)

(*Анисимъ Ѳедорычъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Владиміръ Васильичъ и Дашенька.

Владиміръ Васильичъ (*садится возлѣ Дашеньки*).

Ну, что вы подѣлывали въ это время, пока мы не видались?

Дашенька.

По обыкновенію, ничего...

Владиміръ Васильичъ.

Ну, что же: веселились или скучали...

Дашенька (*насмѣшливо*).

Веселилась... съ папашей... съ его милыми посѣтителями...
Отчего вы у насъ давно не бывали?..

Владиміръ Васильичъ.

Три дня назадъ: развѣ это давно?..

Дашенька.

Не знаю, какъ для васъ...

Владиміръ Васильичъ.

А для васъ?.. Что же вы молчите?.. Хотя я и не былъ у васъ эти три дня, но я не переставалъ о васъ думать, а вы?.. Что же вы не хотите сказать?.. Доротея... (*Хочетъ взять ее за руку.*)

Дашенька (*отдергивая руку*).

Я Дарья...

Владиміръ Васильичъ.

Но вѣдь вы дали мнѣ право называть васъ этимъ именемъ?..

Дашенька.

Отчего вамъ не нравится мое настоящее имя?..

Владиміръ Васильичъ.

Доротея благозвучнѣе... То имя, которое вамъ дали, не стоить васъ...

Дашенька.

Такъ же, какъ я не стою васъ...

Владиміръ Васильичъ.

Послушайте, Доротея, что это за фразы... Иногда мнѣ кажется, что вы капризный ребенокъ, которому нравится мучить меня...

ДАШЕНЬКА.

Если вы находите меня капризнымъ ребенкомъ, это ваше дѣло... Но зачѣмъ же мнѣ мучить васъ?..

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Такъ, отъ нечего дѣлать или изъ кокетства.

ДАШЕНЬКА.

Зачѣмъ же вы позволяете играть собою капризному ребенку и кокеткѣ?..

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Но вѣдь вы знаете, что я люблю васъ, что любовь моя къ вамъ безмѣрна, что я готовъ все для васъ пожертвовать... Отчего же вы никогда не скажете, любите ли вы меня хоть немножко, или ненавидите..

ДАШЕНЬКА.

Отчего я никогда васъ не спрашиваю объ этомъ, а вы вѣчно съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ?

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Оттого, что я люблю васъ, а ваше молчаніе напротивъ убѣждаетъ меня въ вашемъ равнодушіи ко мнѣ...

ДАШЕНЬКА.

Если вы убѣждены въ этомъ, о чемъ же вы спрашиваете?..

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Такъ вы не любите меня?

ДАШЕНЬКА.

Ну, полноте, Владиміръ Васильичъ, что у васъ за страсть спрягать этотъ глаголь? мнѣ ужъ это и въ пансіонѣ надоѣло... Поговоримте о чемъ-нибудь другомъ...

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ (*надувшись*).

О чемъ же прикажете?

ДАШЕНЬКА.

Ну хоть о томъ, что вы дѣлали въ эти три дня, пока вы не были у насъ.

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

О, я это время провелъ очень пріятно въ обществѣ милой, образованной, очень хорошенькой и богатой вдовушки, которая пріѣхала изъ Петербурга хлопотать по своимъ дѣламъ...

ДАШЕНЬКА.

Не собираетесь ли и вы въ Петербургъ?

Владиміръ Васильичъ.

Очень можетъ быть, и даже больше, нежели вѣроятно.

ДАШЕНЬКА (*блѣднѣя*).

На службу, или на время?..

Владиміръ Васильичъ.

Конечно, съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе сюда не возвращаться...

ДАШЕНЬКА (*скрывая внутреннее волненіе*).

Счастливый путь!..

(*Входитъ Николай Потапычъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Николай Потапычъ.

ДАШЕНЬКА.

Ахъ, Николай Потапычъ, какъ я рада, что вы пришли... Садитесь, пожалуста.

Владиміръ Васильичъ.

А, Зайчиковъ, вы какимъ образомъ сюда?

Николай Потапычъ (*садясь*).

Да той же самой дорогой, что и вы, Владиміръ Васильичъ.

Владиміръ Васильичъ (*сухо*).

Отчего же вы не въ правленіи?

Николай Потапычъ.

Да нечего дѣлать, такъ и ушелъ.

Владиміръ Васильичъ.

Какъ это? прежде секретаря?

Николай Потапычъ.

У Анисима Ѳедорыча, вѣрно, есть дѣла, а у меня особенно нужныхъ и спѣшныхъ нѣтъ...

Владиміръ Васильичъ.

Всякое дѣло и нужно, и спѣшно: мнѣ это не совѣмъ пріятно, что вы самовольничаете; этакъ всѣ столоначальники уйдутъ изъ

правления, а за ними и писцы прежде секретаря... А почему вы знаете, можетъ-быть Анисиму Федорычу нужно отдать вамъ какое-нибудь приказаніе?..

Дашенька.

Ну, полноте, Владиміръ Васильичъ, о вашихъ дѣлахъ! еще вамъ не надоѣло!.. За папашу я отвѣчаю, онъ не разсердится... Садитесь сюда поближе, Николай Потапычъ... Ну, что ваша повѣсть?.. Вы знаете, Владиміръ Васильичъ, Николай Потапычъ пишетъ повѣсть: онъ читалъ мнѣ нѣсколько главъ... Какъ хорошо, еслибы вы знали...

Владиміръ Васильичъ (*колко*).

Вижу, вижу, что повѣсти г. Зайчикова вамъ очень нравятся... Не смѣю съ вами спорить: можетъ-быть, онъ точно заслуживаютъ такого восторга съ вашей стороны, только признаюсь, мнѣ не нравится, что госпоринъ Зайчиковъ пустился въ литературу: всѣ литераторы плохіе чиновники, а Зайчикову нужно служить... и слѣдовательно дорожить мнѣніемъ о немъ начальства... (*Обращаясь къ Зайчикову.*) Какъ вы объ этомъ думаете?

Николай Потапычъ.

Я думаю, что начальство будетъ составлять обо мнѣ мнѣніе на основаніи моихъ служебныхъ трудовъ, а не на основаніи моихъ литературныхъ занятій, до которыхъ, я полагаю, кромѣ меня никому дѣла нѣтъ...

Владиміръ Васильичъ.

Нѣтъ, вотъ видите, и Дарья Анисимовна принимаетъ въ вашей повѣсти большое участіе...

Николай Потапычъ.

Дарья Анисимовна была единственная женщина, которая приласкала меня въ этомъ городѣ, и ей одной только рѣшился я прочитать, что пишу на досугѣ, надѣясь, что не станетъ смѣяться надо мною...

Дашенька.

Нѣтъ, Николай Потапычъ, прелестно, превосходно: вы будете замѣчательный писатель...

Владиміръ Васильичъ (*со смѣхомъ*).

Писатель изъ губернскаго правленія...

Николай Потапычъ.

Острота, Владиміръ Васильичъ, довольно не новая...

Владиміръ Васильичъ (*презрительно*).

Что съ?..

Дашенька.

Я такъ не знаю, какъ благодарить Николая Потапыча: съ тѣхъ поръ какъ онъ познакомился съ нами, я постоянно имѣю книги...

Николай Потапычъ (*съ горечью*).

Если пошло на благодарность, Дарья Анисимовна, такъ и я съ своей стороны за знакомство съ вами долженъ благодарить должность столоначальника, которую получилъ недавно: въ низшей должности я бы, вѣрно, не удостоился чести быть въ одномъ домѣ съ Владиміромъ Васильичемъ...

Дашенька.

Почему это?.. Я не понимаю...

Николай Потапычъ.

А я очень хорошо помню, что Анисимъ Федорычъ пригласилъ меня къ себѣ въ тотъ самый день, какъ я былъ утвержденъ столоначальникомъ...

Дашенька (*съ упрекомъ*).

Ахъ, Николай Потапычъ, зачѣмъ вы такъ говорите о папашѣ? Это не хорошо!..

Николай Потапычъ.

Простите меня, ради Бога, я становлюсь жолченъ...

Владиміръ Васильичъ.

Это все отъ литературныхъ занятій...

Николай Потапычъ.

Нѣтъ, Владиміръ Васильичъ, скорѣе отъ служебныхъ...

Владиміръ Васильичъ.

Ахъ, да, да! Понимаю, что вы хотите сказать: писателю неприлично служить, онъ не способенъ къ службѣ... Совершенная правда, г-нъ Зайчиковъ...

Николай Потапычъ.

Понимаю и я, что вы хотите сказать... Дѣйствительно, я не сталъ бы служить, но не потому, что считаю службу недостойною себя, или себя не способнымъ къ ней: я знаю, что слѣдуетъ служить, и что я могу служить не хуже другихъ... Но потому радъ бы я былъ оставить службу, что въ ней много возмутительной лжи и неправды, что даже въ людяхъ, считающихъ себя безкорыстными, одинъ эгоизмъ и ни малѣйшей снисходительности, а не только самопожертвованія...

Владиміръ Васильичъ.

А вамъ хотѣлось бы, чтобъ начальникъ снисходилъ всѣмъ уклоненіямъ отъ службы подчиненнаго, чтобы онъ можетъ-быть даже изъ глупаго состраданія щадилъ мошенниковъ и взяточниковъ?.. вамъ этого бы хотѣлось?. Это взглядъ недостойный даже поэта...

Дашенька.

Ахъ, полноте, господа: это даже скучно... Оставьте этотъ разговоръ.

Николай Потапычъ.

Нѣтъ, Дарья Анисимовна, позвольте мнѣ отвѣтить Владиміру Васильичу, потомъ даю вамъ слово ничего не возражать... Нѣтъ, не того бы я хотѣлъ, но желалъ бы, чтобы въ людяхъ, облеченныхъ властію, было побольше сердца, чтобы они умѣли отличать настоящее зло отъ кажущагося, чтобы умѣли цѣнить людей, которые служатъ сорокъ лѣтъ, никого не обижая, не притѣсняя, окруженные любовью и довѣріемъ всѣхъ близкихъ къ нимъ людей, чтобы не пускали по міру цѣлую семью, за то только, что глава, ее вскормившій, выросъ и воспитался на иныхъ убѣжденіяхъ, а умѣли бы оцѣнить въ немъ настоящую честность, хотя и не согласную въ формахъ съ ихъ собственною... Вы понимаете чего бы я хотѣлъ, Владиміръ Васильичъ?..

Владиміръ Васильичъ.

Горячо и безтолково, какъ и свойственно настоящему поэту. Но я, какъ начальникъ, совѣтую вамъ, милостивый государь, никогда не разсуждать такъ смѣло о поступкахъ людей, которые стоятъ васъ выше, слѣдовательно и видятъ дальше, у которыхъ сфера дѣятельности шире вашей, а слѣдовательно и знанія и пониманія больше вашего. вмѣстѣ съ тѣмъ не мѣшало бы вамъ помнить, что для васъ же очищается та дорога, съ которой сталкиваются все негодное, что слѣдовательно, если есть семья, которая должна идти по міру, такъ вы обязаны поддерживать ее... А для этого нужно не соваться впередъ своего носа, не умничать, гдѣ не спрашиваютъ, а дѣлать дѣло, не манкируя имъ, выучиться сначала повиноваться, чтобы умѣть повелѣвать, и чтобы не потерять средствъ дѣлать добро, если вы желаете его дѣлать, хотя бы для вашей собственной семьи... Поняли вы меня, г-нъ литераторъ Зайчиковъ?...

Николай Потапычъ.

Понимаю, что во всемъ этомъ общія мѣста, эгоизмъ, ни капли...

Дашенька.

А вы дали слово, что больше не будете возражать...

Николай Потапычъ.

Да, правда... Да оно и лучше молчать, а то, пожалуй, лишусь послѣднихъ средствъ дѣлать добро своей собственной семьѣ, которая должна идти по міру для того, чтобы я могъ ей помогать... Ну, не въ добрый часъ я пришелъ къ вамъ, Дарья Анисимовна... Лучше уйти... Прощайте...

Дашенька.

Полноте, посидите...

Николай Потапычъ.

Нѣтъ, не могу... Прощайте... Прощайте, Владиміръ Васильичъ...

Владиміръ Васильичъ.

Советую вамъ не уходить въ другой разъ изъ правленія прежде времени.

Николай Потапычъ *(готовый выйти изъ гостиной при послѣднихъ словахъ пріостанавливается)*.

И вотъ какъ достаются они, эти средства дѣлать добро, равныя тремъстамъ цѣлковыхъ жалованья... цѣной рабской покорности и униженія... *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Владиміръ Васильичъ и Дашенька.

Владиміръ Васильичъ *(презрительно)*.

Мальчишка!..

Дашенька.

Зачѣмъ вы такъ презрительно съ нимъ обходитесь?

Владиміръ Васильичъ *(злобно)*.

А вамъ жалко его?..

ДАШЕНЬКА.

Конечно жалко: онъ славный молодой человекъ, умный, добрый... Я не понимаю только, что съ нимъ сегодня сдѣлалось...

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

О, вижу, вижу ваши отношенія: онъ вамъ книжки носитъ, по вечерамъ свои повѣсти читаетъ... Какія нѣжныя, идиллическія отношенія. . И отецъ вашъ на это смотритъ равнодушно...

ДАШЕНЬКА.

Да что вы, Владиміръ Васильичъ, развѣ тутъ есть что-нибудь непозволительное?..

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

О, помилуйте, возвышенныя высокія чувства... что же иное можетъ питать душу поэтовъ..

ДАШЕНЬКА.

Я васъ не понимаю...

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Да я то васъ понимаю. Вы не умѣли меня цѣнить, вы меня дурачили, предпочли мнѣ перваго встрѣчнаго мальчишку... Ну, такъ прощайте!.. О, я теперь понимаю, что все это значило...

(Входитъ Анисимъ Федорычъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И АНИСИМЪ ФЕДОРИЧЪ.

АНИСИМЪ ФЕДОРИЧЪ.

Спѣшилъ, чтобы доложить вамъ: дѣло по завѣщанію можно повернуть въ вашу пользу; все одни получите... *(Вынимаетъ изъ кармана бумагу.)*

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ *(сухо)*.

Хорошо-съ! *(Беретъ изъ рукъ Анисима Федорыча бумагу)*.
Прощайте.

АНИСИМЪ ФЕДОРИЧЪ.

Куда же вы изволите?..

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Въ правленіе; у васъ тамъ безпорядокъ: чиновники не занимаются дѣломъ, самовольно уходятъ изъ присутствія...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Помилуйте... Всѣ при своихъ мѣстахъ... *(Сльдуя за уходящими.)* Владиміръ Васильичъ... Владиміръ Васильичъ, закусить неугодно-ли? .

Владиміръ Васильичъ.

Нѣтъ, не хочу... Прощайте...

(Уходитъ.)

Анисимъ Ѳедорычъ *(къ дочери)*.

Что онъ, разсердился?..

Дашенька *(печально и разспянно)*.

Да...

Анисимъ Ѳедорычъ.

На кого? За что?

Дашенька.

На меня...

Анисимъ Ѳедорычъ.

За что же это?.. Какъ же тебѣ нѣ стыдно... Говорилъ я тебѣ... Вотъ что теперь будетъ... Ахъ, Дарья, говорилъ: будь любезна... Да за что же разсердился-то?..

Дашенька *(сидитъ молча и задумчиво, опускаетъ голову на руку)*.

Не знаю...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Какъ не знаешь?.. Вѣдь вотъ говорилъ.. Ахъ Дарья! ахъ, Дарья! Что теперь будетъ...

(Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ Ш.

Гостиная въ домѣ Анисима Ѳедорыча.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дашенька *(сидитъ въ большихъ креслахъ, скучная и задумчивая съ работою въ рукахъ)* и Анисимъ Ѳедорычъ *(ходитъ изъ угла въ уголь по комнатѣ)*.

Анисимъ Ѳедорычъ.

И ночи не спятъ, и послѣ обѣда заснуть не могъ... Я зналъ, что все такъ пойдетъ... И пошло... Пошли неприятности... Те-

перь знай только оттерпливайся, пока по шеѣ не прогонятъ... (Останавливаясь противъ Дашеньки.) Что дочка?.. Утѣшила отца, одолжила... Умѣла заслужить... Добилась, что отца чуть изъ службы не гонятъ, что послѣдній писаришка подѣ носъ ему смѣется и ни страху, ни уваженія никакого не показываетъ... Что?.. рада?..

ДАШЕНЬКА.

Помилуйте, папаша!.. да чѣмъ же я-то виновата?.. За что вы на меня-то сердитесь?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Чѣмъ виновата?.. За что сержусь?.. Гм... Не понимаешь!.. Нѣтъ, какъ бы ты дура была, я бы на тебя не сердился и не взыскивалъ... Съ дурака нечего взыскивать... А ты не дура, ты понимаешь... Это все капризы одни... Баловство!.. Избаловалъ я тебя... Къ самовольству приучилъ... Такъ надо на зло отцу дѣлать, досадить, поддразнивать—это ваше женское дѣло... Гм... не понимаетъ... Ученьемъ своимъ, пансіономъ превозносишься, а отецъ, дескать, на мѣдныя деньги учился... Да черезъ кого ты и образованье-то свое получила, какъ не черезъ отца?..

ДАШЕНЬКА.

Папаша, да клянусь вамъ, я не понимаю за что вы на меня сердитесь... Вторую недѣлю вы мучите меня этими упреками, а все-таки не знаю своей вины...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Не говори, не сердись... Ты знаешь, что я для одной тебя и живу, и служу... Не въ гробъ же возьму съ собой, что коплю... Для тебя же коплю... Я не дурному чему училъ тебя, отъ дурнаго самъ предостерегалъ... А хотѣлось, чтобъ ты была помощницей отцу, хоть сколько-нибудь... Все устроилъ: правитель канцеляріи меня уважалъ, совѣтники заискивали, отъ просителей отбою не было: первымъ человѣкомъ въ губерніи былъ... Совсѣмъ молокососа къ рукамъ прибралъ, все шло, какъ по маслу, а ты точно на зло все испортила... На зло, на досаду отцу... Умѣла же любезничать съ этимъ фертомъ, Володькой Васильевымъ, пока ничего не говорилъ, а какъ только слово сказалъ, въ предостереженіе сказалъ, такъ взяла, да нарочно и поссорилась съ нимъ тѣмъ же днемъ... Развѣ я твоихъ капризовъ не понимаю?.. А вотъ теперь что надѣлала: показалъ тебѣ хвостъ, много ли видѣла, и поговорить, полебезить не съ кѣмъ, самой скучно, а отцу таки досадила, моль... на!..

ДАШЕНЬКА.

Это наконецъ невыносимо, папаша, это обидно... Чего вы хотите отъ меня, чего требуете?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Хотѣлъ, а теперь ничего не хочу, ничего не требую... Не умѣла держать, когда давался, а теперь не изловишь... Онъ самъ ловокъ...

ДАШЕНЬКА (съ гипвомъ и со слезами).

Папаша, да чувствуете ли что вы говорите? вѣдь, вы меня оскорбляете, унижаете...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Ты оскорбляешься, дѣвчонка... когда тебѣ нечѣмъ оскорбляться... А отцу ничего... Онъ и оскорбляться не долженъ, когда его того и смотри съ позоромъ, да съ безчестьемъ изъ службы выгонять... И теперь ужъ на меня никто не сталъ вниманія обращать... И теперь все стали замѣчать, что не въ ту сторону колесо повернуло... Да какъ и не замѣтить? каждое присутствіе неприятели, не говоритъ хорошенько, не смотритъ, а чуть что, пустяки какіе, такъ сейчасъ и придирка, и замѣчаніе... На писаря сегодня закричалъ, дуракомъ, или шельмецомъ что ли назвалъ, такъ и тотъ осмѣлился, пошелъ жаловаться на меня, и мнѣ же выговоръ при всѣхъ писаряхъ и столоначальникахъ... А посмѣлъ ли бы всякая мелочь прежде идти на меня пожаловаться?.. Такъ развѣ мнѣ это легко переносить?.. Вотъ другой день ни одного просителя не было: и тѣ, видно, узнали... Прежде, бывало, что ни захочу, что ни посоветую—все дѣлалъ!.. А если и самъ велитъ что сдѣлать, да не по моему, такъ ужъ будетъ такъ какъ хочу: и увидитъ, что не исполнилъ, молчитъ, точно не замѣчаетъ... А теперь, что ни предложу, все на перекоръ дѣлаетъ... Какъ и просителямъ не узнать!.. А кто во всемъ виноватъ? Ты, ты виновата, изъ каприза изъ одного не хотѣла отца послушать... Хорошо, какъ уберется, въ Петербургъ уѣдетъ, а если пробудетъ еще хоть съ недѣлю—прощай служба... Да еще въ уголовную, пожалуй, упекутъ: отъ нихъ станется, знаю я ихъ голубчиковъ... А все отчего вышло?.. отъ твоего каприза... Да она же еще и обижается, плачетъ... Вотъ оно баловство-то... Злость беретъ, лучше уйди... (Уходитъ, крѣпко хлопнувши за собою дверью.)

ЯВЛЕНИЕ II.

ДАШЕНЬКА (одна).

Такъ вотъ что... Вотъ какую роль заставилъ меня играть родной отецъ!.. (*Переставая плакать съ грустнымъ смѣхомъ.*) Славная роль для дочери чиновника-взяточника... Въдь, это обидно, унизительно... (*Послѣ нѣкотораго молчанія, въ раздумьи.*) Такъ развѣ я-то виновата, что полюбила его?.. Хоть бы и такимъ образомъ... А онъ... Развѣ это не любовь, что онъ терпѣлъ моего отца на службѣ?.. Онъ, безкорыстный и благородный... Онъ это дѣлалъ для меня... Теперь я понимаю, почему онъ пересталъ ѣздить къ намъ: онъ подумалъ, что и я въ заговорѣ съ отцомъ, что я только кокетничаю съ нимъ, увлекаю его, чтобъ онъ не отставилъ отца отъ должности... Зачѣмъ я не сказала ему, что люблю его, зачѣмъ дурачилась, скрывалась?.. Вольдемаръ, Володя, какъ бы ты зналъ, какъ бы ты умѣлъ догадаться!.. Неужели онъ уѣдетъ въ Петербургъ совсѣмъ?.. (*Ломаетъ руки.*) Господи, зачѣмъ я не сказала ему?.. Онъ уѣдетъ... Я не могу жить безъ него... (*Задумываясь.*) Чего я жалѣю... Кого?.. Отца?.. (*Горько улыбаясь.*) Для него все равно... (*Закрывая лицо руками.*) Вольдемаръ... Вольдемаръ... (*Плачетъ, потомъ быстро отираетъ глаза.*) Развѣ не все равно страдать... Развѣ я виновата... (*Задумывается.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

ДАШЕНЬКА и НИКОЛАЙ ПОТАПЫЧЪ.

НИКОЛАЙ ПОТАПЫЧЪ (входя).

Здравствуйте, Дарья Анисимовна...

ДАШЕНЬКА.

А, здравствуйте, Николай Потапычъ...

НИКОЛАЙ ПОТАПЫЧЪ (*пристально вглядываясь въ Дашеньку*).

Что вы какая блѣдная, грустная?..

ДАШЕНЬКА.

Нисколько.

НИКОЛАЙ ПОТАПЫЧЪ.

Простите меня, Дарья Анисимовна, но я замѣчаю, что вы

очень измѣнились въ послѣднее время и наружно и, кажется, нравственно: похудѣли, поблѣднѣли, ваша обычная веселость пропала, вы стали какъ-то печальны и разсѣянны...

ДАШЕНЬКА (*равнодушно*).

Можетъ-быть.

НИКОЛАЙ ПОТАПЫЧЪ.

Но вѣдь должна быть какая-нибудь важная причина такой пере-
мѣны...

ДАШЕНЬКА.

Конечно должна быть, а можетъ-быть и нѣтъ...

НИКОЛАЙ ПОТАПЫЧЪ.

Еще разъ простите меня, Дарья Анисимовна: мы еще не очень давно знакомы, но я успѣлъ такъ... оцѣнить ваши достоинства... такъ искренно и глубоко... (*голосъ его немного дрожитъ*) преданъ вамъ, что мнѣ тяжело видѣть такую пере-
мѣну...

ДАШЕНЬКА.

Я не замѣчаю, чтобъ измѣнилась сколько-нибудь въ отноше-
ніи къ вамъ...

НИКОЛАЙ ПОТАПЫЧЪ (*съ чувствомъ*).

О, за себя я вамъ много, много благодаренъ... Но мнѣ грустно за васъ самихъ...

ДАШЕНЬКА (*съ грустною улыбкой*).

А за меня не беспокойтесь: всякій больше всего дорогъ для
самого себя...

НИКОЛАЙ ПОТАПЫЧЪ.

Ну, не знаю, справедливо ли это: могутъ быть у каждаго та-
кіе люди, для которыхъ мы съ наслажденіемъ готовы пожертво-
вать своимъ счастьемъ, жизнію, всѣмъ.

ДАШЕНЬКА (*вдругъ оживившись*).

Да... да... это можетъ быть, я согласна... (*Опомнившись и стараясь скрыть волненіе.*) Но... вѣроятно... это случается
очень рѣдко, какъ исключеніе...

НИКОЛАЙ ПОТАПЫЧЪ.

Безъ сомнѣнія, для этого надобно любить такъ, какъ умѣютъ
любить немногіе.

ДАШЕНЬКА (*снова оживляясь*).

А признайтесь мнѣ, вы любили когда-нибудь такъ сильно...

Николай Потапычъ (*въ совершенномъ смущеніи*).

Я... я... я, можетъ-быть... Для чего вамъ это знать?..

Дашенька.

Такъ, мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы опредѣлили это чувство, если испытали или испытываете его...

Николай Потапычъ.

Дарья Анисимовна, пожалуста... Это поведетъ слишкомъ далеко... А это... это бесполезно... Кончимте этотъ разговоръ...

Дашенька (*съ необыкновеннымъ оживленіемъ*).

Нѣтъ, ради Бога, если вы любили когда-нибудь, расскажите мнѣ какъ вы любили... Я хочу, я непременно хочу говорить объ этомъ... Если вы любили... если вы страдали... или были счастливы... расскажите мнѣ...

Николай Потапычъ.

Но пощадите меня... я не могу... мнѣ тяжело, не возможно... Ради Бога...

Дашенька.

Какъ вѣрному другу, который васъ любить, цѣнить... который вамъ будетъ сочувствовать, откройтесь мнѣ... Ну, пожалуста... Только все подробно день за днемъ, часъ за часомъ... все, все...

Николай Потапычъ.

Что вы дѣлаете, Дарья Анисимовна?... Чего вы отъ меня требуете?.. (*Схватываетъ ее за руку.*) Вѣдь я васъ люблю...

Дашенька (*отскакивая отъ него*).

Какъ?... меня?... (*Смотритъ на него*). Развѣ я... Вы серьезно говорите... (*Сухо.*) Я не ожидала, чтобы вы рѣшились говорить мнѣ такія вещи... Развѣ я подавала вамъ поводъ?

Николай Потапычъ.

Но вѣдь вы сами меня вызвали... Я не рѣшился бы... Теперь все сдѣлано... Я сказалъ вамъ... Вы сердитесь: да развѣ я виноватъ, что полюбилъ васъ?..

Дашенька.

Да, да, я знаю: вы не виноваты... Я не имѣю права сердиться на васъ за это: не любить не въ нашей волѣ... Но, ради Бога, для себя, для меня, если можете, разлюбите меня... Какъ другу,

какъ брату я признаюсь вамъ, вамъ первому и послѣднему: я люблю другаго, люблю давно и...

Николай Потапычъ.

Я зналъ, видѣлъ это давно... догадывался и не ошибся... Но зачѣмъ вы это сказали, зачѣмъ не оставили хоть сомнѣнія?... Вамъ хотѣлось съ одного разу оттолкнуть меня... О, я знаю кого вы любите...

Дашенька.

Говорите, говорите: кого?... Я признаюсь, если вы скажете правду... Я такъ долго молчала, что рада сказать вамъ все, все...

Николай Потапычъ (съ горечью).

Я васъ не спрашиваю, мнѣ не нужно вашей откровенности... Я знаю, что вы любите человѣка сквернаго, недостойнаго васъ...

Дашенька.

Какъ вы смѣете такъ говорить?... Неужели вы думаете, что только вы одни стоите любви?... Никогда не смѣйте такъ говорить о немъ, а то вмѣсто дружбы я возненавижу васъ... Слышите?..

Николай Потапычъ.

О, для меня лучше ненависть, нежели любовь ваша къ этому человѣку: онъ эгоистъ, бездушный фразеръ, который никого не любитъ кромѣ себя, ни даже васъ самихъ...

Дашенька.

Да вы не знаете, про кого говорите: онъ вашъ благодѣтель...

Николай Потапычъ.

Онъ мой благодѣтель?... Онъ?... Не за то ли, что далъ мнѣ должность тогда, какъ пустилъ по міру моего отца-старика?... Онъ мой благодѣтель, когда съ послѣдней встрѣчи у васъ въ домъ, старается притѣснять и оскорблять меня на каждомъ шагу, зная что должность мнѣ нужна, чтобы поддержать мою семью?... О, завтра же я сброшу съ себя его тяжелое благодѣяніе, чего бы это ни стоило: хоть съ тяжкимъ трудомъ, но я найду средство существованія и безъ него.

Дашенька.

Да вы врете, врете: онъ благородный, безкорыстный, честный человѣкъ... Онъ не беретъ взятокъ, хотя самъ бѣдный человѣкъ и могъ бы очень скоро обогатиться... Онъ изъ любви ко мнѣ не удалилъ отъ должности моего отца, тогда какъ... А вы хотите увѣрить, что онъ не любитъ меня...

Николай Потапычъ.

Такъ знайте же: этотъ человекъ въ одно и то же время ухаживалъ за вами и за пожилою вдовой, почти старухой, за то только, что она богата и имѣеть связи въ Петербургѣ... Видите: я слѣжу за нимъ и знаю, что онъ дѣлаетъ, больше всѣхъ и гораздо больше васъ...

Дашенька (*блѣдная и дрожащая*).

Вы клевете, вы лжете на него изъ зависти, изъ злобы... Этого быть не можетъ.. (*Удерживая истерическія рыданія.*) Я васъ не спрашивала объ этомъ.. Вы это выдумали... Я не повѣрю... Я люблю его, а васъ ненавижу...

Николай Потапычъ (*смягчаясь*).

Дарья Анисимовна... Я не хотѣлъ васъ такъ огорчить... Я хотѣлъ вразумить, остановить васъ... Простите меня...

Дашенька.

Подите прочь... Вы хотѣли остановить меня... Нѣтъ, того нельзя уничтожить, что стало жизнью!.. Отецъ думалъ дать мнѣ низкую, скверную роль... Онъ хотѣлъ меня сдѣлать средствомъ своихъ цѣлей... Онъ ошибся... Это былъ первый человекъ, съ которымъ я сблизилась... Я сама не знаю какъ случилось, что полюбила его... но я люблю его другой годъ... И онъ самъ, мой Вольдемаръ, не знаетъ объ этомъ... Но разлюбить его никакія силы меня не заставятъ... Я знаю, что и онъ меня любитъ... Если онъ на что-нибудь и рѣшался, такъ въ этомъ я сама виновата... Но онъ все бросить, когда узнаетъ, что я люблю его... Слышите ли? его, его люблю я, а всѣхъ, кто про него говоритъ дурно, ненавижу, презираю... Слышите ли вы это?..

Николай Потапычъ (*почти со слезами*).

За что же я-то васъ люблю?..

Дашенька (*откидываясь въ изнеможеніи на спинку кресла*).

Уйдите, пожалуйста... Оставьте меня... Вы не услышите отъ меня ничего утѣшительнаго...

(*Николай Потапычъ стоитъ молча, уныло опустя голову.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И АНИСИМЪ ѲЕДОРЫЧЪ.

Анисимъ Ѳедорычъ (*къ Николаю Потапычу, не отвѣчая на поклонъ его*).

Что вы тутъ шляетесь?.. Что вы тутъ торчите у меня?.. Васъ никто не зоветъ сюда... а за васъ тамъ неприятности отъ начальства получай...

Николай Потапычъ.

Что вы хотите сказать?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Что хотите сказать?.. Что сказалъ, то и говорю. Вы вотъ здѣсь незванный, непрошенный сидите, а Владиміръ Васильичъ пріѣхалъ въ правленіе, да мнѣ неприятности при всѣхъ наговорилъ, что васъ не было тамъ на своемъ мѣстѣ...

Николай Потапычъ.

Завтра же, Анисимъ Ѳедорычъ, я избавлю васъ отъ неприятной отвѣтственности за меня,—я завтра подаю въ отставку...

Анисимъ Ѳедорычъ.

И давно бы пора, а то и такъ бы выгнали... А здѣсь вамъ все-таки дѣлать нечего, извините вы меня...

Николай Потапычъ.

Не ожидалъ я отъ васъ подобной любезности... Впрочемъ теперь я ничему не удивляюсь... (*Взглядываетъ на Дашеньку.*) Будьте счастливы... Я прощаю васъ, Анисимъ Ѳедорычъ... (*Вздыхаетъ и уходитъ.*)

Анисимъ Ѳедорычъ (*вслѣдъ ему*).

Ступайте, ступайте... Каковъ еще!.. прощеніе даетъ! обойдемся и безъ него... молокососъ! (*Обращаясь къ дочери.*) А ты вмѣсто того, чтобъ отцовской волѣ повиноваться, на всякую дрянъ вѣшаешься... (*Дашенька смотритъ на него съ изумленіемъ.*) Что смотришь?.. Всѣ твои штуки теперь понялъ. Отецъ просилъ тебя въ службѣ его поддержать, желалъ только расположеніе начальника удержать за собой... а ты вмѣсто того около этого молодчика лебезишь, а тотъ на это злится, а отецъ изъ-за этого службу теряетъ... Дочь ты недостойная!..

ДАШЕНЬКА.

Да перестанете ли вы меня оскорблять?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

Не потерплю я распутства отъ тебя...

ДАШЕНЬКА (*вскакиваетъ какъ ужасенная*).

Что?..

Анисимъ Ѳедорычъ.

То... Въ монастырь отдамъ...

ДАШЕНЬКА (*закрываетъ лицо руками и падаетъ въ кресло*).

Это адъ, а не жизнь....

Анисимъ Ѳедорычъ.

Ты у меня не смѣй и думать объ этомъ нищемъ: отъ насъ не тѣмъ пахнетъ... Онъ намъ не пара... Знай, Дарья, я ничего для тебя не пожалѣю, жизнью пожертвую, все для тебя одной пріобрѣтаю, такъ ты мнѣ плати тѣмъ же... Ну, ну, Дарья... Даша... перестань... Я опять все дѣло поправилъ, чуть не на колѣняхъ у него прощенія просилъ... Онъ прямо сказалъ, что онъ засталъ у насъ Зайчикова, тотъ наговорилъ ему дерзостей, а ты за него же заступилась... Это его и обидѣло... Да и какой слѣдъ совѣтнику быть въ одномъ мѣстѣ съ столоначальникомъ?.. Я ему побожился Зайчикова въ домъ не пускать... Обѣщался сегодня пріѣхать...

ДАШЕНЬКА (*живо*).

Какъ? къ намъ пріѣхать?

Анисимъ Ѳедорычъ.

Да... Ну, смотри же, Даша, веди себя умненько, такъ за все старое Богъ проститъ... А то ты видѣла, каковъ я, какъ что не по мнѣ... Люблю тебя, а изъ моей воли не выходить... Ну, я уйду со двора: вы помиритесь, а смотри, будь осторожна... Этого не забывай... Прощай же... Вели чаю изготовить...

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ДАШЕНЬКА (*одна*).

Онъ опять пріѣдетъ... (*Хватается за грудь.*) Чтò со мной?.. Чтò я буду дѣлать?.. И рада... и боюсь чего-то... И опять въ

прежней роли... Но что мнѣ за дѣло, лишь бы онъ былъ со мной... Отчего же я вся дрожу?... Сама судьба помогаетъ мнѣ... Папаша и не подозрѣваетъ, что онъ дѣлаетъ... Но зачѣмъ онъ оскорблялъ меня?... Развѣ я заслужила эти подозрѣнія, эти упреки... Онъ не понимаетъ меня... Онъ меня дѣлаетъ орудіемъ своихъ цѣлей... Чтò жь? я рада... Мнѣ бы надобно оскорбляться... а я счастлива... И что такое въ душѣ?... Обиды не забыты... но я какъ будто довольна, что все это случилось... *(Схватываетъ себя за голову.)* Ну, лучше не думать... *(Молчитъ нѣсколько минутъ, потомъ подбѣгаетъ къ зеркалу и смотрится въ него.)* Вотъ теперь не блѣдна... вся горю... Чтò жь, я хороша... Онъ не можетъ не любить меня... Матреша, Матрена.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДАШЕНЬКА и МАТРЕНА.

МАТРЕНА.

Чего изволите, барышня?

ДАШЕНЬКА.

Поправь, пожалуста, мнѣ волосы...

МАТРЕНА.

Сейчасъ, сударыня, гребенку только возьму. *(Уходитъ.)*

ДАШЕНЬКА *(садится).*

Чтò онъ будетъ говорить?... *(Задумывается.)* Ну, чтò будетъ...

(Входитъ Матрена.)

ДАШЕНЬКА.

Ты, Матреша, прикажи согрѣть самоваръ и разлей чай сама, тамъ въ дѣвичей... когда я спрошу, и вели подать...

МАТРЕНА *(прилаживая гребенкой волосы у Дашеньки).*

Да что, барышня, гости что ли будутъ?..

ДАШЕНЬКА *(старается казаться равнодушною).*

Да, Владиміръ Васильичъ...

МАТРЕНА.

Владиміръ Васильичъ!.. Ну, слава Богу...

ДАШЕНЬКА.

Что же это тебя такъ обрадовало?

МАТРЕНА.

Да какъ, барышня, не радоваться! Сколько времени не были...

ДАШЕНЬКА.

Такъ тебѣ-то что же?..

МАТРЕНА.

Да ужъ мы думали, что онъ совсѣмъ къ вамъ ѣздить пересталъ...

ДАШЕНЬКА.

Ну, такъ что же? Тебѣ вѣдь, я думаю, все равно?

МАТРЕНА.

Да оно извѣстно, что все равно, а иначе же...

ДАШЕНЬКА *(улыбается)*.

Что иначе же?..

МАТРЕНА.

Ахъ, барышня, хоть мы люди у васъ и не ваши, нанятые, а то же привыкли къ вамъ, любимъ...

ДАШЕНЬКА.

Ну, такъ что же?

МАТРЕНА.

Ну, то и есть...

ДАШЕНЬКА.

Да тебѣ-то что же: ѣздить ли къ намъ Владиміръ Васильичъ, или нѣтъ...

МАТРЕНА.

Какъ что, барышня? Мы хоша люди, а то же видимъ...

ДАШЕНЬКА.

Да что же вы видите?

МАТРЕНА.

Да какъ что? все видимъ...

ДАШЕНЬКА.

Ну, что же, напримѣръ?

МАТРЕНА.

Такъ развѣ мы не видимъ, что какъ пересталъ только ѣздить къ вамъ Владиміръ Васильичъ, такъ и съ паненькой у васъ по-

шли непріятности, и сами вы совсѣмъ другія стали... А вонъ теперь только духомъ - то его запахло, такъ вонъ какъ разцвѣли...

ДАШЕНЬКА.

Какія ты глупости врешь... Для меня рѣшительно все равно... Это такъ, здѣсь жарко... А у папеньки непріятности были по службѣ, вотъ онъ и былъ не въ духѣ, сердился на всѣхъ и на меня...

МАТРЕНА.

Ну, да хорошо, ладно, сударыня! я говорю, мы хошь и люди, а тоже понимаемъ.

ДАШЕНЬКА.

Да скажи, что же ты понимаешь?

МАТРЕНА.

Такъ, вѣдь надо правду говорить, барышня, вѣдь ужъ сейчасъ видно, что женихъ съ невѣстой.

ДАШЕНЬКА (*притворно смѣется*).

Вотъ что выдумала, чего быть-то никогда не можетъ...

МАТРЕНА.

Ну, да смѣйтесь, барышня, смѣйтесь, а вѣдь ужъ это все видно, не сыкroitесь: какъ разошлись-то было, такъ не одни вы тосковали, и Владиміръ-то Васильичъ не больно веселъ ходилъ...

ДАШЕНЬКА.

Это ты еще какъ знаешь?

МАТРЕНА.

Ахъ, батюшки мои, мудрено узнать! мы съ ихнимъ-то людямъ знакомы...

ДАШЕНЬКА.

Полно, Матрена, какія ты глупости говоришь... Все вздоръ...

МАТРЕНА.

Ну, да какъ угодно, сударыня, надо правду говорить... Что же, эдакой женихъ вамъ не въ обиду... этакихъ красавцевъ, да молодцовъ поискать... Соколъ баринъ!... Надо правду говорить...

ДАШЕНЬКА.

Ну, отстань же, Матрена, этого быть никогда не можетъ... И я ему никогда не понравлюсь, и онъ мнѣ не нравится... Папенька только потому такъ его уважаетъ, что онъ его начальникъ, а для

меня рѣшительно все равно... Не говори никогда этихъ глупостей, а то я сошлю тебя...

МАТРЕНА.

Не прикажете, такъ не буду говорить: это какъ вамъ угодно... Тутъ гнѣваться не за что: для васъ же добра желаемъ... Вотъ погодите-ка, кажись, пріѣхалъ... Пріѣхалъ и есть... Такъ чай-отъ сейчасъ подавать, или погодить?...

ДАШЕНЬКА.

Нѣтъ... погоди... Я скажу, когда... только приготовляй теперь...

(Матрена уходитъ.)

ДАШЕНЬКА.

Что это со мной... Какъ бьется сердце...

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДАШЕНЬКА и Владимиръ Васильичъ.

Владимиръ Васильичъ.

Здравствуйте, Дарья Анисимовна.

ДАШЕНЬКА.

Здраствуйте.

Владимиръ Васильичъ *(садясь)*.

Папенька вашъ дома?

ДАШЕНЬКА.

Нѣтъ... онъ ушелъ... скоро придетъ...

Владимиръ Васильичъ *(съ улыбкой)*.

Позвольте мнѣ подождать его?...

ДАШЕНЬКА.

Если вамъ угодно...

Владимиръ Васильичъ.

Да вамъ это не будетъ непріятно?...

ДАШЕНЬКА.

Развѣ когда-нибудь ваше присутствіе было для меня непріятно?...

Владимиръ Васильичъ.

Можетъ-быть, вы желали бы видѣть кого-нибудь другаго вмѣсто меня...

ДАШЕНЬКА.

Кого же другаго?... У меня такъ мало знакомыхъ...

Владиміръ Васильичъ.

Что, и я даже могу быть пріятнымъ гостемъ. *(Усмѣхается.)*
А можетъ-быть, напримѣръ, хотъ господина Зайчикова...

ДАШЕНЬКА.

Зайчиковъ былъ сегодня, и папаша его почти выгналъ изъ дома...

Владиміръ Васильичъ *(улыбаясь)*.

А-а!... Такъ вотъ причина того волненія, въ которомъ я васъ засталъ?... Понятно...

ДАШЕНЬКА *(сквозь слезы)*.

Владиміръ Васильичъ, вы-то за что меня оскорбляете?

Владиміръ Васильичъ.

Развѣ я оскорбляю васъ?... Можетъ-быть, вамъ досадно, что я отгадалъ ваше душевное состояніе... Но чѣмъ же тутъ оскорбляться?...

ДАШЕНЬКА.

Нѣтъ, вы не понимаете меня... Я въ васъ ошиблась... Вамъ весело смѣяться надо мной... мучить меня... Зачѣмъ же вы говорили... увѣряли меня?

Владиміръ Васильичъ.

Что я вамъ говорилъ? въ чемъ увѣрялъ?...

ДАШЕНЬКА.

Неужели нужно напоминать вамъ ваши слова?...

Владиміръ Васильичъ.

Да, я не отказываюсь отъ своихъ словъ, но... быть соперникомъ Зайчикова—не могу, быть игрушкой вашего каприза—тоже не могу... Это не моя роль...

ДАШЕНЬКА.

У васъ никого нѣтъ соперниковъ... Я никогда вами не играла...

Владиміръ Васильичъ.

Зачѣмъ же вы не хотите сказать мнѣ то, о чемъ я васъ спрашивалъ...

ДАШЕНЬКА.

Я боюсь... Я не знаю... что мнѣ мѣшаетъ... *(Опуская голову на руку.)* Развѣ вы не знаете сами?...

Владиміръ Васильичъ.
 Ну, Доротея, утѣшите меня: скажите... если вы меня любите...
 Ну, Доротея... (*Цѣлуетъ ея руку.*)

(Дашенька молча цѣлуетъ его въ голову. Въ сосѣдней комнатѣ слышатся громкіе шаги и кашель Анисима Ѳедорыча.)

ДАШЕНЬКА (*быстро отдергивая руку, вполголоса*).

Папаша.

Владиміръ Васильичъ (*стараясь скрыть волненіе*).

Мнѣ очень нужно бы видѣть Анисима Ѳедорыча, чтобы поговорить объ одномъ дѣлѣ... Досадно, что его нѣтъ дома..

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, и Анисимъ Ѳедорычъ.

Владиміръ Васильичъ (*какъ бы не замѣчая входящаго Анисима Ѳедорыча*).

Какъ вы думаете, скоро придетъ вашъ папенька?... (*Увидя его.*)
 А-а... да вотъ и Анисимъ Ѳедорычъ... Здравствуйте... А я только-что пріѣхалъ къ вамъ... (*Подаетъ ему руку.*) Куда вы это побывали?...

Анисимъ Ѳедорычъ (*униженно раскланиваясь*).

А ходилъ-съ въ правленіе: давеча позабылъ захватить журналы, надо разсмотрѣть вечеркомъ... Дашенька, что же ты чаю...

(*Дашенька быстро уходитъ.*)

Владиміръ Васильичъ.

Благодарю васъ, я пилъ... Ну а что, вы написали мнѣ прошеніе по моему наслѣдству?...

Анисимъ Ѳедорычъ.

Какъ же-съ, какъ же... написалъ... Надо полагать, что дѣло выиграется въ вашу пользу...

Владиміръ Васильичъ.

А вообразите: какъ отличился сорокинскій становой приставъ, помните, котораго я хотѣлъ было отдать подъ судъ: открылъ,

батюшка, страшную сектантку — раскольницу, представилъ ее, книги, образа, множество интересныхъ рукописей раскольничьихъ... Я виноватъ, ошибался въ немъ: онъ молодецъ...

Анисимъ Федорычъ.

Чиновникъ распорядительный-съ!

(Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ IV.

Кабинетъ Владиміра Васильича. Всѣ вещи въ безпорядкѣ, который бываетъ при сборахъ въ дальнюю дорогу: по столамъ и стульямъ разложено платье, сапоги, разные свертки. На полу клочки разорванныхъ бумагъ. У одной стѣны чемоданъ. Поздній вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Андрей и Матрена.

МАТРЕНА.

Такъ онъ сегодня ѣдетъ, Андрей Капитонычъ?

Андрей *(укладывая платье въ чемоданъ)*.

Хотѣлъ сегодня ѣхать безпремѣнно въ ночь, а либо завтра обуть рано... А и то сказать: кто его знаетъ...

МАТРЕНА.

Такъ какъ же, вы совсѣмъ въ Петербургъ, али на время только?..

Андрей.

Кто его знаетъ?... развѣ онъ станетъ со мной разговаривать?... небель-то продашь: видно ужъ не пріѣдетъ сюда.

МАТРЕНА.

Такъ вотъ вы какъ, Андрей Капитонычъ, уѣдете отъ насъ: прощайте...

Андрей *(со вздохомъ)*.

Да... Мало здѣсь наблажили, въ Петербургъ поѣдемъ себя показывать...

МАТРЕНА.

А что бы и въ правду, чѣмъ ему здѣсь не жизнь, зачѣмъ уѣхать хочетъ ..

АНДРЕЙ.

Жить было хорошо: теперича сколько просителей ходило кажинной день... Кто полтинникъ, кто четвертакъ суетъ, только доложи... Вѣдь, самъ-то ничѣмъ не пользовался, нѣтъ... эта у него была фанеберія... Ну, такъ меня больше и благодарили...

МАТРЕНА.

Что же онъ въ чины что ли произойдетъ въ большіе тамъ, въ Петербургъ?..

АНДРЕЙ.

Кто его знаетъ!.. Можетъ, невѣсту хочетъ себѣ искать богатую...

МАТРЕНА.

Такъ, значить, наша барышня, Андрей Капитонычъ, такъ и останется... *(смѣется)* не при чемъ...

АНДРЕЙ *(улыбается)*.

Вамъ лучше знать, при чемъ останется...

(Оба смѣются.)

МАТРЕНА.

А молодецъ... ловокъ! дѣльцо свое обдѣлалъ...

АНДРЕЙ *(серіозно)*.

Ну... Богъ-отъ, вѣдь, накажетъ...

МАТРЕНА *(принимая тоже серіозную физиономію.)*

Извѣстно, что ужъ накажетъ.. Чего только смотрѣлъ отецъ, этого я понять не могу, Андрей Капитонычъ...

АНДРЕЙ *(глубокомысленно)*.

Ну... всякъ о своихъ дѣлахъ думаетъ...

МАТРЕНА.

А какъ она, бѣдная, въ него влюблена это... до страсти!..

АНДРЕЙ.

Ну... дѣвичье дѣло!..

МАТРЕНА.

Только какая скрытная... Вѣдь, ужъ вижу, что у нихъ дѣлается, все вижу... А ужъ не скажетъ ни подъ какимъ видомъ... Когда нарочно объ немъ заговорю, такъ еще осержается... Ну, а ужъ чего тутъ... *(Смѣется.)* Этого не спрячешь!..

Андрей.

Ну такъ, вѣдь кому лестно про это разказывать... Хоть бы до васъ доведись...

Матрена.

Чтой-то вы, Андрей Капитонычъ, развѣ я изъ такихъ...

Андрей.

Ну да ладно... Года мои только ушли, а то бы вы не увернулись отъ меня...

Матрена.

На врядъ ли ужь... Насчетъ этого поищите прочихъ... Ай, батюшки, закалякалась я съ вами: послали, вѣдь, за сухарями, да наслышана, что не сегодня-завтра собираетесь въ дорогу: дай, думаю, забѣгу... А вы ну-ка на прощанье-то неприятности какія говорите...

Андрей.

Вѣдь, я не къ обидѣ вашей, а такъ насчетъ всѣхъ... то-есть женскаго вашего пола...

Матрена.

Ну, да хороши и выгъ мущины: сами во всемъ виноваты, а мы отвѣчай...

(Слышенъ звонокъ).

Андрей.

Вона, видно, самъ пріѣхалъ...

Матрена.

Ну, прощайте, Андрей Капитонычъ, счастливаго вамъ успѣха: худомъ не помяните, а добромъ не за что...

Андрей.

И вамъ также... (Опять звонокъ.) Ну, поспѣешь... Экъ!...

Матрена (у дверей направо).

Прощайте же... (Уходитъ).

(Слова звонокъ).

Андрей.

Да сейчасъ... Экъ тебя... (Уходитъ въ дверь задней стѣны.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Владиміръ Васильичъ и Андрей.

Владиміръ Васильичъ.

Ну, что же ты, уложился?

Андрей.

Укладываюсь...

Владиміръ Васильичъ.

Укладывайся проворнѣе, да сходи за лошадьми, чтобы сейчасъ же прѣзжали... Слышишь?..

Андрей.

Слышу... Маменька, сударь, опять прѣехали...

Владиміръ Васильичъ.

Какъ, ко мнѣ?

Андрей.

Нѣту, а въ городъ прѣехали. Кирюшка ихній прибѣгалъ, говоритъ, маменька въ большемъ на васъ гнѣвѣ, слышана, что вы наслѣдство хотите отнять у нея, такъ судиться съ вами хочетъ: мнѣ, говоритъ, не надо, а ему не уступлю...

Владиміръ Васильичъ.

Ну, ну, хорошо... Укладывайся поскорѣе, да лошадей...

Андрей.

Такъ что же, молъ, не у насъ остановились? И видѣть, говоритъ, его не хочу, а не то что... Съ чужихъ, говоритъ, не беретъ, а родныхъ хочетъ грабить... Батюшка, Владимиръ Васильичъ, вѣдь не хорошо: маменьку-то огорчаете...

Владиміръ Васильичъ (*грозно*).

Что-о? Ахъ ты сюська! Наставленія мнѣ вздумалъ говорить... Это еще что!..

Андрей.

Рабски докладывалъ, Владимиръ Васильичъ! Вся дворня въ ужасть пришла отъ этого самаго...

Владиміръ Васильичъ.

Молчать, осель!.. Скажи у меня еще хоть слово... Изорву... Пошелъ вонь!..

Андрей (*угрюмо*).

Зайчиковъ еще приходилъ... два раза...

Владиміръ Васильичъ.

Какой Зайчиковъ?

Андрей.

Этотъ, что у васъ въ правленіи служилъ... молодой...

Владиміръ Васильичъ.

Что ему надо?

Андрей.

Почемъ я знаю... Хотѣлъ опять придти...

Владиміръ Васильичъ.

Не пускать... Скорѣй укладывайся...

(*Андрей уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Владиміръ Васильичъ (*одинъ*).

Убраться бы отсюда поскорѣе... Надоѣлъ мнѣ этотъ проклятый городишко... Въ Петербургъ, въ Петербургъ! Одного жаль: Доротею... Ну, что дѣлать: сама виновата... Такой страстной натурѣ, какъ ея, нельзя не поддаться... Тутъ никто бы не устоялъ... Жениться на ней?.. А карьера, а служба, а общественная польза, для которой живу... Тесть—взяточникъ!.. Нѣтъ, это невозможно... (*Задумывается.*) Э, да утѣшится... Поплачетъ и перестанетъ... Тотъ же Зайчиковъ женится... (*Съ усмѣшкой.*) Безсмертнымъ писателямъ всего приличнѣе поправлять ошибки смертныхъ людей... (*Ходитъ насвистывая.*) А жаль ея, бѣдняжки... Взялъ бы съ собой, еслибъ не пугали послѣдствія... (*Слышится звонокъ.*) Кто это, неужто Зайчиковъ?.. Чего ему отъ меня нужно?..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Владиміръ Васильичъ и Золотаревъ.

Андрей (*вбѣгая*).

Дмитрій Николаичъ Золотаревъ.

Владиміръ Васильичъ (*поспѣшно*).

Проси, проси...

(*Андрей уходитъ.*)

Владиміръ Васильичъ (*осматривая комнату*).

Какой безпорядокъ! И свѣчка одна горитъ. (*Зажигаетъ другую свѣчу.*)

(*Золотаревъ входитъ.*)

Владиміръ Васильичъ (*идя къ нему на встрѣчу*).

Извините меня, Дмитрій Николаичъ, какъ дорожнаго человѣка: у меня здѣсь страшный безпорядокъ!.. Прошу васъ покорно. (*Пододвигаетъ кресло.*)

Золотаревъ.

Сдѣлайте милость, пожалуста! для меня все равно... (*Садится.*)
Вы у меня были сегодня...

Владиміръ Васильичъ.

Два раза забѣжалъ, но не заставалъ васъ дома...

Золотаревъ.

Виноватъ, виноватъ... захопотался сегодня... Но я свою вину загладилъ: самъ явился... Ну-съ, такъ вы собрались совсѣмъ?.. Ну, желаю вамъ счастливаго пути... успѣховъ... генеральскаго чина...

Владиміръ Васильичъ (*улыбаясь*).

Благодарю васъ, Дмитрій Николаичъ... Этого слишкомъ долго дожидаться, не доживу!..

Золотаревъ.

Э, еще доживете, молоды!.. Должность, надѣюсь, вамъ понравится. Вы будете всегда на виду. Начальникъ, ручаюсь вамъ, отличный человѣкъ, онъ васъ оцѣнитъ. Я съ нимъ пріятель лѣтъ пятнадцать и знаю его хорошо: онъ любитъ окружать себя такими даровитыми и безкорыстными чиновниками, какъ вы...

Владиміръ Васильичъ.

Благодарю васъ, Дмитрій Николаичъ; я чувствую какое добро вы для меня сдѣлали... Безъ вашей рекомендаціи я никогда не надѣялся получить такого мѣста...

ЗОЛОТАРЕВЪ.

Э, пожалуста, что за благодарности... Добра я никогда не дѣлаю и въ добродѣтельныхъ людей не вѣрю... Но должникомъ никогда не остаюсь... Долгъ платежемъ красенъ, вотъ мой девизъ и вотъ вся добродѣтель земныхъ смертныхъ... Безъ цѣли ничего не дѣлается... Всякое дѣло требуетъ вознагражденія... Требовать, чтобы человѣкъ дѣлалъ что-нибудь даромъ, значить нарушать право собственности... А платить долги, вотъ, повторяю, величайшая добродѣтель, которой я только и требую отъ человѣка... Извините за многословіе, но мнѣ хотѣлось только оправдать себя передъ вами и избавить васъ отъ тяжелаго чувства благодарности, которая по моему то же, что неуплаченный долгъ... Вы исполнили мою просьбу, слѣдовательно дали мнѣ займы, я сдѣлалъ для васъ, слѣдовательно расплатился, затѣмъ мы квитъ и другъ другу ничѣмъ не обязапы.

Владиміръ Васильичъ *(съ улыбкой)*.

Ваша философія и проста, и удобопонятна...

ЗОЛОТАРЕВЪ.

И, надѣюсь, основана на здоровомъ пониманіи человѣческаго сердца... Прибавлю еще маленькую сентенцію въ дополненіе, она послужитъ вамъ пищею для размышленія во время дороги, да авось и пригодится, особенно въ Петербургѣ... Вы вотъ не любите денегъ, получаемыхъ не изъ рукъ казначея, а я уважаю ихъ во всѣхъ видахъ и во всѣхъ рукахъ: ну, о вкусахъ не спорять... Это ваше дѣло, вамъ такъ лучше, и я не совѣтую вамъ измѣнять вашего вкуса... Вы такъ созданы и оставайтесь тѣмъ, чѣмъ создала васъ природа, ибо вкусъ зависитъ отъ природнаго характера... Но не забудьте двухъ вещей: во первыхъ, всякій долженъ какимъ бы то ни было образомъ заработать себѣ что-нибудь, чтобы пообѣдать и прикрыть свое брненное тѣло; во вторыхъ, самый страшный врагъ и самый вѣрный другъ — миллионъ... Но можетъ-быть ученаго учить только портить. Впрочемъ ваше образованіе изъ книгъ, мое изъ жизни, пополнять одно другимъ не мѣшаетъ... Затѣмъ имѣю честь кланяться и пожелать вамъ счастливаго пути и таковаго же успѣха во всѣхъ вашихъ предначинаніяхъ... Вы, кажется, укладывались; я васъ остановилъ... *(Встаетъ.)*

Владиміръ Васильичъ.

Нѣтъ, Дмитрій Николаичъ, я васъ слушаю, какъ оракула, и удивляюсь вашей житейской мудрости...

ЗОЛОТАРЕВЪ.

А я рѣдко говорю съ кѣмъ о своихъ убѣжденіяхъ такъ охотно, какъ съ вами... Извините меня, но я полюбилъ васъ душевно... Прощайте, мой любезнѣйшій...

Владиміръ Васильичъ.

Прощайте, добрѣйшій Дмитрій Николаичъ... Еще разъ благодарю искренно...

ЗОЛОТАРЕВЪ.

Ради Бога, не называйте меня добрымъ и никогда не благодарите, а то я буду думать, что вы не поняли моей философіи...

Владиміръ Васильичъ.

О, понялъ совершенно и совершенно согласенъ: въ этомъ вы можете быть увѣрены...

ЗОЛОТАРЕВЪ.

Надѣюсь... Прощайте...

Владиміръ Васильичъ.

Прощайте, Дмитрій Николаичъ... (*Обнимаются и целуются.*)
(*Золотаревъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Владиміръ Васильичъ (*одинъ, ходитъ въ раздумьи*).

Онъ правъ совершенно... Еслибы всѣ разсуждали такъ, какъ онъ, то безкорыстіе и честность на службѣ никогда бы не оставались не вознагражденными, какъ это иногда случается... Да, жизнь учить лучше книгъ... Полчаса бесѣды съ подобнымъ человекомъ дороже десяти томовъ... Всѣ убѣжденія, почерпнутыя изъ книгъ, уясняются и оправдываются этой мудростью, вычитанною изъ книги жизни... Замѣчательный человекъ!..

(*Входитъ Дашенька въ двери направо.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Владиміръ Васильичъ, Дашенька и потомъ Николай Потапычъ.

Владиміръ Васильичъ (*съ испугомъ*).

Доротея, ты какимъ образомъ попала сюда?

ДАШЕНЬКА.

Вольдемаръ, ты уѣзжаешь отсюда совсѣмъ, ты обманываешь меня, что воротишься... Ты хочешь бросить меня, оставить здѣсь, одну...

Владиміръ Васильичъ (*въ замѣшательствѣ*).

Кто это тебѣ сказалъ?... Нѣтъ, я пріѣду опять... я въ отпускъ только...

ДАШЕНЬКА.

Нѣтъ, нѣтъ, Вольдемаръ... ты и мебель продалъ, все... Ты не пріѣдешь... Ты разлюбилъ меня...

Владиміръ Васильичъ.

Да какъ же ты рѣшилась придти сюда?... Ну тебя хватятся дома... Что подумаютъ?..

ДАШЕНЬКА.

Я ушла потихоньку, никто не видалъ... Здѣсь прошла чрезъ заднее крыльцо... Никто со мной не встрѣтился... Вольдемаръ, я не останусь здѣсь... Ты возьми меня съ собой...

Владиміръ Васильичъ.

Помилуй, что ты, Доротея... Развѣ это возможно?..

ДАШЕНЬКА.

Все возможно, если любишь...

Владиміръ Васильичъ.

Послушай, душа моя!.. Ты не понимаешь жизни... Какъ мнѣ взять тебя?... Ну, узнаетъ твой отецъ, вступится: я могу испортить карьеру, потерять службу...

ДАШЕНЬКА.

Для меня отецъ мой долженъ быть страшнѣе, нежели для тебя, но видишь, я ничего не боюсь, я ушла отъ него... Вольдемаръ, я все потеряла... Мнѣ невозможно жить безъ тебя...

Владиміръ Васильичъ.

Доротея, душа моя!.. да развѣ мнѣ не такъ же тяжело разстаться, какъ и тебѣ?... Вѣдь ты знаешь, я люблю тебя... Но это невозможно, моя радость... Погоди... Вотъ я съѣзжу въ Петербургъ, устрою свои дѣла, и опять пріѣду сюда...

ДАШЕНЬКА.

Нѣтъ, Вольдемаръ, нѣтъ, одна мысль, что я не увижусь съ тобой, одно ожиданіе можетъ убить меня.

Владимиръ Васильичъ.

Ахъ, Доротея! я боюсь, право: дома тебя хватятся... Ты погубишь себя...

Дашенька.

Я давно уже погибла... Только ты одинъ для меня дорогъ... Вольдемаръ, пожалей меня...

(Въ сосѣдней комнатѣ слышенъ шумъ.)

Владимиръ Васильичъ *(съ испугомъ)*.

Что это? Ужъ не за тобой ли?... Ахъ, Доротея...

Дашенька.

Мнѣ все равно... Я не боюсь...

Голосъ Андрея, за сценой.

Говорять, не велѣно пускать...

Голосъ Зайчикова, за сценой.

Пусти, мнѣ нужно... Пусти, говорятъ... А то я силой войду...

Владимиръ Васильичъ.

Доротея, прощай, уйди...

Дашенька.

Нѣтъ, я не пойду...

Владимиръ Васильичъ *(растерявшись)*.

Ахъ, Боже мой! хотъ спрячяся вотъ сюда за ширмы... А я пойду туда... Это Зайчиковъ... *(Почти насильно вталкиваетъ Дашеньку за ширмы и идетъ къ дверямъ. Въ это время двери съ шумомъ распахиваются и въ нихъ врывается Зайчиковъ.)*

Владимиръ Васильичъ.

Что вы за шумъ тамъ дѣлаете?... Какъ вы смѣете насильно врываться въ чужой домъ?... Что вамъ угодно?

Николай Потапычъ.

Что мнѣ угодно?... Мнѣ угодно было проститься съ вами... Я услышалъ, что мой благодѣтель уѣзжаетъ, и пришелъ рассчитаться съ нимъ...

Владимиръ Васильичъ.

Вы пьяны, вы шумите! Ступайте вонъ, а не то я васъ велю свести въ полицію...

Николай Потапычъ.

Я пьянъ—это правда... но пьянъ отъ горя и злости, пьянъ

для того, чтобы высказать тебѣ правду... Ты меня хочешь свести въ полицію... можешь, но прежде выслушай правду...

Владиміръ Васильичъ.

Эй человекъ... Андрей...

Николай Потапычъ (*схватываетъ его за руку*).

Погоди, герой честности и безкорыстія... Ты долженъ выслушать меня; я пришелъ сказать тебѣ спасибо за то, что ты чуть не убилъ моего отца, раззорилъ мою семью, помѣшалъ мнѣ быть ей полезнымъ, почти выжилъ и меня изъ службы... Вѣдь отецъ пѣшкомъ притащился сюда, узнавши, что я вышелъ въ отставку; онъ меня винить въ этомъ, называетъ сыномъ неблагодарнымъ... Стой... Еще это не все... Ты держалъ при себѣ известнаго взыточника-секретаря, а для-чего?.. Для того, чтобы соблазнить его дочь, прекрасное, чистое созданіе... И ты достигъ этого, подлець: я все знаю... Страхомъ изгнанія изъ службы, ты заставлялъ отца потворствовать вашимъ отношеніямъ... Ты увлекъ и погубилъ ее, неопытную...

Дашенька (*выходя изъ-за ширмы, быстро подходитъ къ Владиміру Васильевичу и обнимаетъ его*).

Вы врете: онъ ни въ чемъ не виноватъ, я сама полюбила его.

Николай Потапычъ (*отскакивая въ изумленіи*).

Дарья Анисимовна, вы ли это?.. Гдѣ вы?.. Онъ все задавилъ въ васъ—и стыдъ, и совѣсть...

Дашенька.

Васъ никто не проситъ быть моимъ защитникомъ, и принимать во мнѣ участіе; вамъ давно сказано, что я не люблю васъ, ненавижу, и люблю только его одного... Чего вамъ еще нужно?

Николай Потапычъ (*въ изступленіи*).

Га! Такъ пришло время мести: пришло время наказать этого мерзавца и вашего отца, который жертвуетъ дочерью изъ корыстныхъ цѣлей... Оставайтесь же здѣсь, я сейчасъ приведу сюда вашего отца... (*Убѣгаетъ.*)

Владиміръ Васильичъ.

Ахъ, Доротея... Боже мой, что за несчастіе!.. Уходите домой поскорѣе... ради Бога... Андрей, готовы ли лошади?..

АНДРЕЙ *(выглядывая въ двери.)*

Лошади у крыльца.

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Выноси чемоданы проворнѣй, живо... Доротея... Уйдете ли же вы?... Чего вы еще дожидаетесь?

ДАШЕНЬКА.

Такъ развѣ ты и теперь не возьмешь меня?...

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Да развѣ ты не понимаешь, что это не возможно?... Чего ты хочешь? чтобы погоня что ли была за нами, скандалъ сдѣлать?... Что это такое?... Это невыносимо...

АНДРЕЙ.

Пожалуйте... Готово...

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ.

Ну, прощай, ради Бога, прощай... Я скоро опять приѣду.

ДАШЕНЬКА *(на колыняхъ).*

Вольдемаръ, не оставляй меня... Подумай, что со мной будетъ... *(Обнимаетъ его колѣни.)*

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ *(освобождаясь).*

Боже мой! говорятъ, это невозможно... Ты просто сумашедшая... Или уходи скорѣй, или оставайся здѣсь... Я уѣду... Что это такое?... Вотъ адъ!.. Вотъ казнь!.. *(Идетъ къ дверямъ.)*

ДАШЕНЬКА *(ломаетъ руки).*

Пусть же мое проклятіе преслѣдуетъ тебя всю жизнь, на каждомъ шагу... Господи... *(Всплескиваетъ руками, рыдаетъ и приклоняется къ полу.)*

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬИЧЪ *(пріостанавливается у дверей, оглядывается на Дашеньку).*

Я столько же страдаю, какъ и ты, а наслаждались мы равно... *(Машетъ рукой и уходитъ.)*

(Черезъ нѣсколько минутъ слышенъ звонъ колокольчика.)

ДАШЕНЬКА *(вздрагиваетъ и поднимается на ноги).*

Уѣхалъ... Все кончено...

(Медленно, пошатываясь, идетъ къ дверямъ.)

АЛЕКСѢЙ ПОТЪХИНЪ.

